

18+

ЧТО
ОХОТИТСЯ
В
ТЕНИ

ХАРПЕР Л. ВУДС

Харпер Л. Вудс

Что охотится в тени

Серия «Mainstream. Темное фэнтези.

Бестселлеры Харпер Л. Вудс»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70021339

*Что охотится в тени:
ISBN 978-5-17-158427-6*

Аннотация

Ветер Нотрека шепчет о Калдрисе. Об этой легенде мы говорим вполголоса, за закрытыми дверьми, опасаясь навлечь на себя его гнев. Его намерения – тайна, его желания нечисты, он стремится приковать меня к себе... навечно. Сопровождаемые Дикой Охотой, мы идем за ним туда, где все началось. Деревня Мистфелл – это граница, где когда-то мерцала на ветру завеса между мирами людей и фейри.

Совсем скоро мне придется расплатиться за магию в своей крови. Но кто я и на что способна – лишь предстоит узнать...

Содержание

О книге «Что охотится в тени»	5
Глоссарий	7
Иерархия богов и фейри	10
Пролог	13
1	23
2	37
3	51
4	67
5	93
6	107
7	125
8	140
9	163
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Харпер Л. Вудс

Что охотится в тени

Harper L. Woods

WHAT HUNTS INSIDE THE SHADOWS

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form or by any electronic or mechanical means, including information storage and retrieval systems, without written permission from the author, except for the use of brief quotations in a book review.

© 2022 by Harper L. Woods & Adelaide Forrest.

© Map design by Abigail M. Hair

© Е. Бойченко, перевод на русский, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Для тех, кто вынужден отправиться в путь...

О книге «Что охотится в тени»

Однажды я влюбилась в человека, который меня обманул.

Неделя за неделей он был рядом со мной и, играя словами, рассказывал красивую полуправду. Он очаровал меня. Мягко соблазнил. Постепенно он проник в самые потаенные уголки моей души. Поглотил мой разум и тело и в конце концов забрал сердце. Но истинная сущность Кэлума настолько ужасна, что он, ни минуты не сомневаясь, поставит меня на колени и сломает.

Потом я узнала правду. Правду о том, кто он на самом деле.

«Калдрис», – шепчет ветер Нотрека. Легенда, о которой мы говорим только шепотом, за закрытыми дверями, из страха снова навлечь на себя его гнев. Его намерения – тайна, его желания – непристойны. Он стремится приковать меня к себе на целую вечность. Под охраной Дикой Охоты он снова ведет нас туда, где все началось: деревня Мистфел – там находится граница, где когда-то мерцала на ветру Завеса.

Теперь там таится еще один секрет, который может изменить все.

Стражи Тумана поклялись, что не дадут нам пересечь границу Альвхейма и ступить на землю фейри, даже если невин-

ным придется заплатить за это своими жизнями. Им приказано восстановить мерцающий барьер у Мистфела, но это будет дорого стоить – гораздо дороже, чем было озвучено ранее. Совсем недавно жители Нортрека обвинили меня в падении Завесы.

Теперь они хотят, чтобы я заплатила цену, которую требует магия.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Эта книга предназначена для читателей старше 18 лет. В тексте содержатся грубые ругательства, сцены насилия и откровенные сцены с элементами темного фэнтези. Это вторая книга трилогии с открытой концовкой.

Глоссарий

Альвхейм: мир фейри.

Ведьмы: бессмертные существа, обладающие силами, связанными со стихиями и небесными телами. Существуют ведьмы теней, ведьмы луны, ведьмы природы, ведьмы воды и т. д.

Верховный жрец/жрица: главные жрец и жрица, которые утверждают, что разговаривают с Отцом и Матерью и передают людям их послания.

Виникулум: метка фейри на теле человека, представляет собой чернильный завиток цвета двора фейри, нанесшего ее. Располагается на руке и тянется до плеча или груди.

Дикая Охота: армия фейри-призраков из двора Теней, которым поручено выслеживать и ловить людей с меткой фейри, чтобы доставить их к таким же меченым в Альвхейм. Они также ведут охоту на всех, кого можно считать врагами фейри.

Древние боги: самые могущественные представители расы фейри, известной как сидхе. Чаще всего это потомки Первородных.

Завеса: магическая граница, отделяющая Нотрек, мир людей, от Альвхейма, мира фейри.

Жрец/Жрица: мужчины и женщины, которые стоят во главе храмов и служат Новым богам (Отцу и Матери), испол-

няя их волю.

Инеберн-Сити: столица мира людей, сверкающий город золота.

Калфолс: Разрушенный город. Его когда-то построили в честь бога Мертвых, который и разгромил его во время войны между фейри и людьми.

Королевская гвардия: армия, которая действует от имени короля Нотрека и следит за тем, чтобы люди в королевстве вели мирную жизнь и подчинялись воле короля.

Мистфел: деревня, расположенная у Завесы, на границе с Альвхеймом. Служит точкой перехода между мирами, когда проход открыт.

Новые боги: Отец и Мать. Люди стали им поклоняться, когда узнали правду о том, что Древние боги на самом деле были не богами, а фейри. Отец и Мать определяют, куда отправится душа после истинной смерти в конце цикла из тринадцати жизней – в Вальхаллу, Фолькванг или Хельхейм.

Нотрек: мир людей.

Первородные: первые существа из всех сотворенных. По своей природе они не имеют человеческого облика, хотя могут принимать его по тем или иным причинам. Они просто олицетворяют то, чем являются.

Сидхе: человекоподобные фейри, которые не принадлежат к первым поколениям и менее могущественны, чем Древние боги. Они обладают магической силой, но гораздо более ограниченной, чем магия их древних собратьев.

Сопrotивление: тайное сообщество, проживающее в катакомбах Полых гор (а также в других местах Нотрека), которое борется против правил королевства и живет как заблагорассудится. Они также противостоят фейри и предлагают защиту меченым (людям с меткой фейри) и другим беглецам, спасающимся от Королевской гвардии или Стражи Тумана.

Стража Тумана: отдельная армия, единственная цель которой – защита Завесы от повреждения и борьба с фейри, если Завеса падет.

Иерархия богов и фейри

ПЕРВОРОДНЫЕ

Хаос: первородное существо Пустоты, существовавшее до сотворения.

Ильта: первородное существо ночи.

Эдрус: первородное существо тьмы.

Зейн: первородное существо неба.

Диэлль: первородное существо дня.

Убель: первородное существо, ответственное за тюрьму в Тартаре – бездне.

Брин: первородное существо природы.

Ошун: первородное существо моря.

Гервин: первородное существо любви.

Эрвина: первородное существо морских тварей.

Темпест: первородное существо бурь.

Пери: первородное существо гор.

Сауда: первородное существо ядов.

Анке: первородное существо принуждения.

Марат: первородное существо света.

Эйлам: первородное существо времени.

Мойры: первородные существа судьбы.

Ахимот: первородное существо обреченности.

ОСНОВНЫЕ ДРЕВНИЕ БОГИ

Адерин: богиня Урожая и королева двора Осени.

Аластор: король двора Зимы и муж Твайлы до ее смерти.

Джонаб: бог Смены Времен Года. Убит во время первой войны фейри.

Калдрис: бог Мертвых.

Кало: бог Зверей и король двора Осени.

Маб: королева двора Теней. Известна в основном как королева Воздуха и Тьмы. Сестра Рейгана.

Рейган: бог Солнца и король двора Лета. Законный король двора Благих.

Сефтис: бог Преисподней и король двора Теней.

Твайла: богиня Луны и королева двора Зимы. Законная королева двора Неблагих.

Тиам: бог Юности и король двора Весны.

Шена: богиня Флоры и королева двора Весны.

Пролог

КАЛДРИС

Душа моя раскололась пополам. Одну половину поглотила растекающаяся по венам паника – страх, который, как я знал, по сути принадлежал не мне, а ей. Другой половиной, которая, собственно, и была моим существом, я ощущал призрачные нежные прикосновения к своей коже, которых наконец дождался после мучительных столетий надежд и ожиданий.

Ею же владел ужас, которого она никогда не испытывала, который с каждым шагом толкал ее все дальше. Этот ослепляющий страх укрепил существующую между нами связь, мешая мне как следует разглядеть ее. Мне надо было выследить ее, найти и предложить убежище, в котором она так нуждалась. Но из-за охватившей ее паники я не мог использовать нашу связь. Я все кружил на одном месте, пытаюсь внедриться в ее реальность, чтобы закрепиться там и сориентироваться. Но из ее сознания мне удалось выудить только быстро мелькавшие деревья и ее запах, витающий в окружающем меня воздухе.

Уловив боковым зрением призрачные образы леса, я на

мгновение остановился, чтобы обнаружить хоть какие-нибудь признаки, которые могли бы мне помочь напасть на ее след. Подготовиться к тому, что может ждать меня, когда я найду дорогу к своей половине, нуждавшейся в моей защите.

За века, что разделяли нас, деревня Мистфел совсем не изменилась. Судя по маячившим на горизонте очертаниям, обновлялись только постройки поместий и казарм, в которых размещалась Стража Тумана. А сама деревня за столетия, прошедшие с тех пор, как я в последний раз пересекал границу, даже пришла в упадок – как будто разрыв в доходах между богатыми союзниками короны и обездоленными в наше отсутствие увеличился еще больше.

Хотел бы я сказать, что это обычная человеческая традиция, когда одни страдают в нищете, а другие обладают богатством, превышающим их потребности, но, к сожалению, это касается и нас. Именно эта беда объединяла наши расы. В другой день и в другое время я бы, возможно, посочувствовал жителям Мистфела, но в этой деревне чуть не погибла моя половина. Это была адская дыра, повергнутая в прах клоака, которой нечего предложить паре бога – паре *принца* богов.

Сквозь границу просачивался туман, цепляясь за землю, из которой были созданы люди, и прикрывая грязь, в которой они жили. Я шел по вымощенной камнями главной улице поселка, удаляясь от садов, где сильнее всего чувствовал присутствие своей половины.

Из теней между домами вышел мужчина, в воздухе повис запах железа, когда он направил на меня свой меч, намереваясь пронзить мне сердце. И я подумал, что вот это все – напрасная, пустая трата времени. Нашего времени. Времени, которое мы могли бы провести вместе.

Целые столетия прошли впустую, потому что нас разделила эта Завеса, проклятая богами. Но терпение мое иссякло.

Я прижал мужчину к стене одного из ветхих строений на главной улице и сомкнул у него на горле пальцы. Он выронил меч, который, лязгнув, упал на камни, и этот звук эхом разнесся в тишине.

Большинство людей попрятались в домах, отказавшись от веселья, которое явно должно было перерасти в большой пир. На площади у фонтана были расставлены длинные столы в ожидании блюд с едой для празднования. Самайн наступил и прошел, но люди, вероятно, давно отказались от традиций, которыми так дорожили, когда королевство Нотрек было под нашим управлением.

Большинство Стражей Тумана отступили в защищенную железом крепость, прихватив с собой нового лорда деревни, но оставив умирать свой народ, бросив людей на растерзание тем фейри, которые находились совсем рядом и готовы были сбегать в Нотрек до того, как Маб получит контроль над границей.

Мы были в ярости. Мы *горели желанием*. Мы вождедели того, что веками скрывали от нас, и мы уничтожили бы лю-

бого, кто посмеет встать у нас на пути.

– Где она? – рыкнул я, приставив меч к его боку.

Мужчина дернулся и потянулся руками к моим запястьям, как будто надеялся, что ему удастся освободиться от хватки.

– Кто?

Голос с хрипом вырывался у него из горла, растягиваясь, зависая между нами отдельными звуками, пока у меня за спиной бушевала битва. Люди сражались – слишком глупые, чтобы понять: мне потребуется лишь мгновение, и я уничтожу их всех, если пожелаю.

– Женщина, – прорычал я, ненавидя себя за то, что не могу описать ее внешность.

Свою половину я мог чувствовать и ощущать. Говорить о том, что существовало внутри нее, только о ее душе, но не о сосуде, в котором она существовала. Этот человек, вероятно, видел мою половину каждый день. Он знал цвет ее глаз и волос, знал, как она улыбается. А мне такое счастье еще только предстояло.

– Она была на грани смерти, когда пала Завеса, но я знаю, что она все еще жива. Я чувствую ее свет. *Где она?*

По нашей с нею невидимой связи меня окатила новая волна паники, вибрируя в беспорядочном потоке. Это мешало сосредоточиться, мне было трудно определить, куда она ушла и насколько далеко успела убежать за то время, которое понадобилось, чтобы пробиться сквозь Туман.

По крайней мере, она все еще дышала.

– Девчонка Барлоу? – спросил он, глядя туда, где когда-то качалась на ветру Завеса.

Земля под ней была выжжена, трава на окраинах садов почернела и была покрыта пятнами магии, которую я использовал в отчаянии, чтобы прорваться сквозь Завесу, чтобы добраться до нее, чтобы спасти ее от смерти.

– Ее как раз хотели принести в жертву Завесе. Так эта гребаная девка взяла и коснулась ее. Тут все и рухнуло.

Барлоу.

Я чувствовал ее, когда она была с другой стороны – так близко, но при этом так далеко. Возможно, наши миры разделял глубокий канал с водой, по обе стороны от которого качались две половины Завесы. Но магия границы создавала ощущение, будто она была совсем рядом – сразу за Завесой. Казалось, что стоит мне протянуть сквозь нее руку, как я сразу заполучу ее в свои объятия.

– Куда она пошла? – спросил я, чувствуя ее на расстоянии.

Она была уже слишком далеко, и на мгновение я подумал, не забрал ли ее кто-нибудь. Ее могли погрузить на лошадь и увезти как можно дальше от меня. В спешке я бросил Азру с Холтом и другими членами Дикой Охоты, чтобы переправиться через пролив на гребной лодке, а не ждать, пока к отплытию снарядят корабль.

В конце главной улицы деревни уже полыхал пожар. Посреди битвы вспыхнули и запылали деревянные постройки. Я не хотел этого. Не хотел возобновления войны.

– Хватит! – крикнул я, взывая к феэри.

Какой бы яростной ни была вражда между нашими народами за десять лет войны, что предшествовала Завесе, эти люди прожили слишком мало, чтобы помнить об этом. С помощью насилия мы могли добиться только одного – возобновить войну, которая была прервана несколько столетий назад.

– Как скажешь, Калдрис, – пробормотал один из феэри, бросив на землю факел.

Он погасил пламя, а я снова обратил внимание на человека, которого прижимал к стене дома.

– *Калдрис?* – прохрипел он, выпучив от ужаса глаза, когда увидел корону, что сияла у меня на голове, сливаясь с моими серебристыми волосами.

А потом его взгляд скользнул вниз, к моему лицу и к мечу, привязанному у меня за спиной.

– Эта женщина – моя половина. Моя пара, – сказал я, склонив голову набок, и рассказал ему правду, которую немногие имели честь знать.

Но моя тайна скоро умрет вместе с ним.

– Думаю, ты догадываешься, как далеко я зайду, чтобы найти ее.

Я пронзил его ледяным взглядом. Мужчина сглотнул, его нижняя губа задрожала, когда он понял, кто его удерживает. У кого в руках его жизнь. Я провел пальцами по его коже, предупреждая вонзив острый кончик черного ногтя ему

в шею.

– Она пошла в лес, – наконец выдохнул он. – А куда потом... я не знаю.

– За ней следили? – спросил я, сжав ему для верности горло.

Его меч валялся у ног на земле. Он выронил его, когда я, развернувшись, прижал его к стене после того, как он посмел вступить в борьбу с неизбежным. Его предки поклонялись мне как своему богу. И этому была причина.

Он был не более чем червь, ожидающий возвращения в землю. Жизнь и сила людей были ничем по сравнению с жизнью и силой фейри.

– За ней отправили в погоню Стражей Тумана, – сказал он.

– Черт, – выругался я, наклонив голову, и выпустил его горло.

На окраинах Нотрека собрались тени, образовав пустоту, с которой я слишком хорошо свыкся за столетия, проведенные рядом с королевой. Я перехватил свой меч, вонзил его в бок мужчины и быстро вытащил. Он захрипел и опустил руки, пытаясь зажать рану, будто у него могло хватить сил, чтобы удержать внутри жизнь, сочившуюся из тела прямо на каменную дорожку у нас под ногами.

Тело у него обвисло и съехало вниз по стене, когда я отпустил его горло. Я смотрел на него сверху вниз. На лице у него было написано: он считает себя обманутым.

– Я же рассказал тебе то, что ты хотел знать, – прохрипел он, склонив голову набок, так как она стала слишком тяжелой. – Ты действительно бог Мертвых.

Я присел перед ним на корточки и, глядя прямо в глаза, похлопал по плечу.

– В смерти ты обретешь покой, которого больше нет в этом месте. В Пустоте ты поймешь, что есть судьбы гораздо хуже смерти, – ответил я, наблюдая, как закрываются его глаза.

Когда его душа покинула тело, оставив только шелуху, я обратил свой взор на призрачную пустоту на краю садов. Медленно встав, я повернул туда, где королева Воздуха и Тьмы готовилась ступить на землю мира людей – впервые за несколько столетий.

Тени расступились, открыв проход для Маб, и она шагнула вперед со всей смертоносной грацией женщины – королевской особы, практикующей свою жестокость и оттачивающей ее, как оттачивают самый острый клинок, за бесчисленные столетия своей жизни.

Ее платье было собрано вверху у горла, откуда тонкая ткань ниспадала на тело, образуя замочную скважину у нее на груди, плотно облекая талию, пока ткань, темная как ночь, не становилась темно-красной. Словно она окунула ее края в кровь своих бесчисленных жертв. Создавалось впечатление, будто за ней по траве тянутся кровавые пятна, когда она обратила свой бдительный взор на хаос, творившийся в Мист-

феле.

Она глубоко вдохнула и улыбнулась, поскольку страдания вокруг придавали ей силы. Ее губы темно-красного цвета приоткрылись, обнажив белоснежные зубы, и взгляд темных глаз проник сквозь сады и обратился ко мне. Она сделала шаг вперед, подняла руку, расправляя складки на платье, в ожидании меня.

Я тоже шагнул вперед, призвал тени и позволил им отнести меня к ней. Они обернулись вокруг меня, поймав в ловушку своей пустоты, и я покинул деревню Мистфел. Прозрачные руки ее слуг с тихим шорохом скользнули по моей коже, когда я шагнул сквозь Мир Теней, и, оказавшись перед ней, опустил на колени.

Склонив голову, я взял ее руку в свою прежде, чем она успела подать ее в нужном положении, и прикоснулся губами к задней стороне кольца на ее среднем пальце. В центре кольца сверкал единственный блестящий черный турмалин, гармонировавший с колоннами из этого же камня, вделанными в золотую основу ее короны. В центре короны, прямо надо лбом, сиял драгоценный камень тьмы, идеально угнездившийся в ее волосах.

Проклятая корона. Камень, превративший Маб из дочери короля двора Лета в королеву Воздуха и Тьмы.

Больше всего мне хотелось разбить его и вонзить осколки ей в глаза.

– Встань, дитя мое, – сказала она, медленно вытягивая ру-

ку из моей хватки.

Я встал, заставив себя убрать ненависть с лица, прячась под маской безразличия, чтобы укрыться от жестокости, которую она применила бы ко мне, если бы узнала о ненависти. Если бы она считала, что может добиться реакции в ответ на свою ненависть, свою горечь и свою боль, она бы обращалась со мной гораздо хуже, а не просто использовала меня в качестве оружия.

– Слушаюсь, моя королева, – пробормотал я, встречая ее злобный взгляд.

Когда она снисходительно похлопала меня по щеке, ее темные глаза блестели – жесткие и неумолимые, как камень.

– Для тебя есть работа, и ее нужно выполнить.

КАЛДРИС

Колени у Эстреллы задрожали, ноги подкосились, и она осела на землю, скользя спиной по стене, пока не опустилась на зазубренные камни. Подтянув ноги к груди и слегка подавшись вперед, она коснулась подбородком коленей, обхватила их руками и потрясенно уставилась на царившие вокруг последствия бойни. Взгляд ее зеленых глаз стал чужим, отстраненным. Медленно осматривая поле битвы, которую я устроил, чтобы спасти ей жизнь, она проигнорировала причины, чтобы сосредоточиться на конечном результате. Превратив меня в злодея ее романа, хотя мне всего лишь хотелось стать для нее всем.

Когда она увидела изувеченные тела Стражей Тумана, которые поднимались сразу же, как только их трупы касались земли, ее бронзовая кожа стала практически белой на фоне чернильно-черных волос. Она уставилась на дыру, образовавшуюся там, где должно было быть сердце, глаза у нее остекленели, а пухлая нижняя губа задрожала. И внутри меня вдруг что-то треснуло, сломалось, едва я увидел, как у нее на лице отразилась скорбь, когда она пыталась осознать раз-

вернувшуюся перед ней картину.

Она взвешивала все мои признания, оценивая все, чего прежде не видела – не хотела замечать, обвиняя себя в том, что верила мне так безоглядно.

Ее взгляд перемещался с одной группы мертвецов на другую. Ожившие мертвецы окружали людей с метками фейри, позволяя им удобно устроиться в кругу, пока из них по капле вытекало желание драться.

Присев перед ней на корточки, я попросил, чтобы она внимательно посмотрела на меня – на меня, а не на последствия моей ярости, – и увидела перед собой мужчину, который делает и будет делать все, чтобы защитить ее. Чтобы наконец разглядела меня – без иллюзий, с которыми она просто продолжила бы блуждать во тьме.

Мы встретились взглядами, и между нами вновь образовалась связующая дуга. Вокруг не было ничего, кроме нас двоих. Мир снаружи существовал за пределами созданного нами тихого убежища. Даже мои чары не могли ослабить магию, которая, казалось, пульсировала в воздухе, а руки Судеб плели нити так, чтобы соединить нас, как нам всегда было суждено.

С момента моего создания, с того самого момента, как я пришел в этот мир и сделал свой первый вдох, она все еще была в Пустоте – между жизнью и смертью.

В ожидании собственного рождения. В ожидании того, чтобы стать моей.

Она отвела глаза так же резко, как перед этим взглянула на меня, и магическая связь между нами разорвалась – будто ветку сломали. Но она все еще существовала, хотя и скрытая, просто ждала момента, когда моя человеческая пара вернется ко мне, но у меня уже не было сомнений, что моя половина каким-то образом нашла способ закрыть для меня свой разум.

Я приблизился к ней на полшага, наблюдая, как она пытается еще сильнее вжаться в стену. Мне очень хотелось дать ей больше пространства – обеспечить надежную гавань, в которой она так нуждалась, где она могла бы привыкнуть и смириться с новой реальностью, и это желание боролось во мне с желанием просто заключить ее в свои объятия и показать, что меня не нужно бояться.

Она влюбилась в Кэлума, и по ужасу, отражавшемуся у нее на лице, я понял, что она думает, что он мертв – погиб. Проиграл монстру, которым я себя показал.

– Это я, детка, – сказал я, снова протягивая ей руку. – Я – все еще я.

Мне очень хотелось поставить ее на ноги, поднять с земли, которая была запятнана смертями людей, гибелью целого города за столетия до ее рождения. Привести ее во дворец, который всегда должен был быть ее домом. Купать в роскоши, которую я мог ей предоставить.

– Это должно меня утешить? Я даже не знаю тебя, – отрезала она, повернув голову в сторону.

Она отказалась дать мне благословение своих глаз, отказалась смотреть на меня, сделала все, что было в ее силах, чтобы не встречаться со мной взглядом.

Она знала не хуже меня, что пульсировавшую между нами магическую связь отрицать невозможно, что она никогда и никуда не исчезнет и даже не уменьшится. Когда она окинула взглядом ближайший к ней скелет, я подумал, не впервые ли моя половина видит такую смерть и разложение.

Нам обоим повезло, что трупы, которые я оставлял за собой, не разлагались, как обычно разлагаются тела за столетия, прошедшие с тех пор, как я сровнял с землей Калфолс. Как богу Мертвых, мне нужны были тела, чтобы оживлять их. Поэтому после битв, в которых я навлекаю смерть на своих врагов, я предаю трупы земле. Для армии мне нужны слуги, которые не думают, а просто исполняют приказы, и потому тела моих жертв будут храниться до тех пор, пока я не покину этот мир.

– Ты знаешь меня так же хорошо, как себя, звезда моя. Сердце, что бьется в твоей груди, принадлежит мне. Душа, обитающая в твоём теле, принадлежит мне дольше, чем ты живешь, – сказал я, сохраняя мягкость и нежность в голосе, и сделал еще полшага к ней. – Все, что ты чувствовала, реально. Все, что ты будешь продолжать чувствовать ко мне, реально. Ты была создана, чтобы быть моей.

Эстрелла опустила глаза, уставившись на мои ноги, внимательно следя за тем, как осторожно я сокращаю дистан-

цию, которую она сохраняла между нами в своей безумной потребности сбежать от моей правды. Она взглянула на них всего на мгновение, упершись взглядом, и я остановился.

Ее паника была ощутима, тело дергалось, будто она была животным, загнанным в угол, отчаянно жаждавшим вырваться и сбежать. Внезапно она встала на четвереньки и нырнула между костями ног ближайшего скелета, вынырнув с другой стороны образованного ими защитного круга. Он потянулся к ней костями рук, но она быстро проскользнула мимо, его движения были слишком вялыми, чтобы успеть ее поймать.

– Эстрелла! – крикнул я, вскакивая на ноги и следуя за ней.

Вырвавшись из круга, она остановилась на четвереньках посреди дороги и изо всех сил пыталась сориентироваться. Казалось, она не могла встать на ноги. Это открытие шокировало ее. Тело у нее сделалось вялым, пока мозг пытался обработать все, что она умышленно игнорировала в погоне за счастьем, которого так отчаянно желала. Кто-то вроде Эстреллы или кто-то вроде меня, никогда не знавший ни радости, ни даже просто удовлетворения, готов на все, чтобы сохранить его, если оно вдруг обнаружилось. На все. Даже на то, чтобы игнорировать полуправду.

Оттолкнув один из искалеченных скелетов с дороги, я подкрался к тому месту, где она повернулась ко мне лицом. Отскочив назад на руках, скользя ногами по пропитанной

кровью земле, она отпрянула от меня, когда я встал рядом, возвышаясь над ней. Глядя на нее сверху вниз, я изобразил на лице нежность, стараясь показать всю любовь, которую чувствовал к ней, а не ярость, вызванную ее отказом смотреть на меня и бегством.

В воздухе все равно пульсировал ее страх, и я грудью чувствовал его биение, когда она смотрела на меня. Ее пальцы судорожно сжимались, сгребая пыль на земле, а пухлая нижняя губа дрожала так, что мне захотелось успокоить ее, прижавшись к ней ртом. Я жаждал дать ей утешение, которое может и готова дать ее половина, если только она примет меня в свое сердце, если только впустит меня в свой разум и признает, что в ней существует другая половина ее души.

– *Мин астерен*, – инстинктивно произнес я на древнем языке.

Мне нечего было скрывать, и я мог называть ее своей звездой, говоря на родном языке, даже если и нечасто его использовал.

– Я не твоя. И я тебе никто, – ответила она, ощерившись, когда посмотрела на меня.

Исчезли все признаки привязанности, которую она проявляла ко мне за проведенное вместе время. В глазах горела ненависть, ожесточая взгляд, когда она заставила свою дрожащую нижнюю губу замереть. Я подошел ближе, решив доказать ей, что, куда бы ни завели нас нити наших Судеб, она всегда была, есть и всегда будет моей.

Где бы она ни была – в мире живых или в загробной жизни, – я буду следовать за ней всюду, куда бы она ни пошла. Если наступит день, когда она умрет своей истинной смертью, без меня, я буду сопровождать ее в Пустоту, чтобы дожидаться окончательного суда Отца и Матери. Я никогда не вернусь к жизни без Эстреллы, без тепла ее обжигающего света, сияющего вокруг меня.

Куда бы она ни пошла, я пойду за ней – будь проклято бессмертие.

Я протянул руку, надеясь, что она обопрется на нее, чтобы подняться с земли. Но моя упрямая звезда проигнорировала этот жест, решив остаться на пропитанной кровью земле – лишь бы не принимать от меня никакой помощи. Ее тело дернулось, напряглось, приготовившись к бегству, но хищник во мне распознал это еще до того, как она сделала сознательный выбор.

– Не делай этого, – предупредил я, зная, что результатом моего инстинкта погони за ней будет то, что ей совсем не понравится, пока в венах у нее струится настоящий страх.

Я не сомневался, что когда-нибудь она будет получать удовольствие от таких игр, но не сегодня.

– Я серьезно, детка, – продолжил я. – Если я начну тебя преследовать – как жертву, как добычу, – я не смогу ни контролировать себя, ни отвечать за свои действия.

Она все равно вскочила на ноги, развернувшись и победив с такой скоростью, на какую вообще не должна была

быть способна.

Для женщины, пусть даже и с меткой фейри, Эстрелла была немислимо быстрой по сравнению с другими, подобными ей, теми, которых я видел столетия назад. Она была сильнее и проворнее, и ее тело, казалось, изо всех сил пыталось приспособиться к изменениям, которые произвела с ней метка, – как новорожденный олененок, который только учится ходить.

Я двинулся, прыгнув вперед. Повалив ее на землю, я подкатился под нее, чтобы смягчить ее падение. Распластавшись телом на покрытых пеплом каменных руинах Калфолса, я принял на себя приземлившуюся сверху Эстреллу и обнял ее, крепко прижимая к груди.

– *Пусти* меня! – закричала она и с силой начала вырваться и молотить руками по мне, по земле, по воздуху – куда удавалось дотянуться.

А я пытался удержать ее. В глаза мне полетели песчинки. Ей удалось зачерпнуть в горсть немного песка, и она швырнула его мне в лицо, на мгновение ослепив. Я поднял руку и тщательно вытер глаза.

Пока я удерживал ее одной рукой, Эстрелла умудрилась вырваться из моей хватки, выскользнула, как угорь, и повернулась, чтобы оседлать мои бедра. Она воспользовалась моментом и быстро ударила меня в живот три раза, выбивая воздух из моих легких. Несмотря на все мои старания, мне не удалось сдержать смешок.

С ума сойти.

Грудь у меня вздымалась от вырвавшегося на свободу смеха, а желудок сжимался от боли, вызванной ударами, которые она наносила из последних сил. А потом вскочила на ноги и, обогнув меня, попыталась сбежать по улицам разрушенного Калфолса.

Я перевернулся на живот, выбросил вперед руку, схватил ее за лодыжку, потянув к себе, надеясь, что инстинкт самосохранения заставит ее прикрыть лицо. Она извернулась при падении, успев выставить перед собой руки, и, громко шлепнув ладонями о зазубренный камень, рухнула на землю. Согнув в момент падения колено, она злобно нацелилась врезать мне ногой в нос с такой мстительностью во взгляде, от которой у меня перехватило дыхание.

Я вовремя отпрянул от удара, так что она лишь едва коснулась моего лица тканью штанов, крепко сжал ее лодыжку, пока она пыталась вырваться, и сильно дернул за нее так, что она снова оказалась на четвереньках.

Приподнявшись с места, где лежал, я на животе подполз к ней и закинул ноги ей на бедра, чтобы не дать подняться. Затем я наконец освободил ее лодыжку и накрыл ее тело своим, образовав ловушку, из которой ей было не вырваться. Я больше не мог бороться с весельем, нахлынувшим на ту извращенную часть меня, которая находила очень забавным то, как эта крошечная человеческая девчонка осмелилась сражаться с мужчиной, от которого без оглядки бежали

многие фейри.

– Ну, может, хватит? – спросил я, слегка посмеиваясь.

Она откинула голову назад так внезапно, что я не успел среагировать и получил отменный удар по лицу. Нос у меня хрустнул, почти впечатавшись в лицо, а губы рассекло ударом. Я поднял руку и вытер кровь, хлюпающую у меня под носом. После этого она все же успокоилась и упала вперед, опустив голову, как будто удивившись силе своего удара.

Я убрал руку, которая стала красной, и громко вдохнул через нос, чтобы втянуть в себя остатки крови.

– Просто для ясности, – сказала она, тяжело дыша, когда я быстро скользнул руками под ее тело и перевернул ее на спину.

Накрыв ее тело своим, я крепко прижал к себе Эстреллу и держал неподвижно, насколько это было возможно. Неизвестно, какой еще трюк она выкинет в своем отчаянии, а каждый такой удар грозил только еще большей травмой для нее самой.

– Это так и должно было быть – чертовски больно.

Она подняла кулак и быстро ударила меня в висок, очевидно, в очередной раз намереваясь вышибить из меня дух. Я поймал ее руку в воздухе, хлопнув по земле рядом с ее головой, и схватил за другое запястье, сомкнув на нем пальцы. Сделал то же самое с другой рукой, прижал к земле обе и приподнялся над ней.

В венах под моей хваткой у нее гудела кровь, и этот звук

был прямым эхом моего бешеного сердцебиения. Я покачал головой, все следы веселья исчезли, когда я подумал, не разодрала ли она себе кожу на затылке, не пролилась ли ее кровь на камни под головой.

– Я не хочу делать тебе больно, детка.

– Уже сделал! – закричала она, отрывая верхнюю часть спины и шею от земли, пытаясь освободиться.

Она не хуже меня знала, что это бессмысленно. Пока я удерживал ее бедра своими ногами, шансов вырваться у нее не было.

– Я никогда не хотел причинять тебе боль, – сказал я, пытаясь воззвать к той ее части, которая должна была знать, что это правда.

Уголки ее рта приподнялись в улыбке, и в зеленых глазах на кратчайшее мгновение мелькнуло что-то зловещее, словно она готовилась к очередному броску – удару, который намеревалась мне нанести.

– Можешь говорить что угодно, но это не мешает мне вырезать твое сердце при первой же возможности, – прорычала она.

Она толкнула бедра вверх, приподняв мое тело, и мои руки одновременно заскользили по земле. Моя хватка на ее запястьях ослабла, и я лишился равновесия и отпустил ее, чтобы не удариться лицом о камни разбитой дороги. Двигалась она стремительно, и ее действия были почти виртуозны, так что мне пришлось стиснуть зубы от напряжения. Обхватив

рукой мой локоть, она вдавливала ладонь в сустав, пока он не хрустнул, обрушив и меня. Тогда она оттолкнула меня, перевернув на спину.

Глядя, как она поспешила встать, я опять не смог сдержать вырвавшийся смех.

– Здорово ты меня отделала, – сказал я, вставая на ноги.

На этот раз она не побежала, глядя на меня с высоко поднятым подбородком, как будто она была воином-победителем. Я сделал шаг к ней, чувствуя, как мой нос смещается в сторону, заживая. Эстрелла в ужасе уставилась на него, когда я сделал еще один шаг.

– Хочешь узнать, где я чувствую боль, *мин астерен*?

– Да пошел ты в жопу, – прорычала она, делая шаг назад.

Ожившие трупы сомкнулись у нее за спиной, образовав непроницаемую стену. Отступить ей было некуда.

– Я бы с удовольствием, а можно? – спросил я, изогнув бровь и шагая к ней.

Я не останавливался, пока ее грудь не прижалась к черному металлу и кожаным доспехам у меня на животе, заставляя меня жаждать, чтобы между нами не было никаких преград, даже одежды. Я чувствовал ее тело. Чувствовал ее кожу магией своих чар и все время желал, чтобы я мог прижаться к ней голым телом.

Рот у нее дернулся в попытке что-то ответить, высказать язвительное замечание, но, как только она придумала, что сказать, у нее с лица слетело все притворство. Она опустила

глаза, избегая моего взгляда, и задала вопрос, который сжигал ее внутри:

– Почему?

Она даже не прошептала, а выдохнула его. Так тихо и так беззвучно, что этого не заметили бы ни мертвые, ни меченые, наблюдавшие за нами издалека. Это было просто движение губ.

Я смотрел, как меняется выражение ее лица. Видел, что сердце ее разбито. Наблюдал, как уходит ярость, искажившая ее черты. Глаза наполнились слезами, но Эстрелла не позволила им пролиться. Шмыгнув носом, она вдохнула их в себя, слегка покачав головой, будто отталкивая эту уязвимую часть себя подальше вглубь.

Если я хотел, чтобы моя половина любила меня как раньше, мне пора было двигаться дальше.

– Мы знали о Сопротивлении еще до того, как была создана Завеса. Поэтому Маб отправила меня сюда, чтобы я проник к ним и узнал, не прячут ли там ведьмы ее дочь. Я не смог бы этого сделать, если бы признался, что я – твоя половина. Поэтому я просто дал тебе возможность влюбиться в меня до того, как ты узнаешь правду, – сказал я, протягивая руку, чтобы коснуться ее щеки.

Она подняла руку и дрожащими пальцами коснулась носа, который точно сломала. Там, где Эстрелла меня ударила, уже выросла новая кожа, свежая, упругая, будто она никогда не причиняла мне вреда. Потрясенно уставившись на нее,

Эстрелла не верила, что мое тело зажило так быстро, ликвидировав все доказательства ее нападения. А затем опустила руку. Я видел, что руки у нее все еще дрожат.

– Ты лгал мне, – сказала она, закусив уголок губы зубами.

Грудь у нее вздымалась в попытке справиться с нарастающими эмоциями. На волне угасающей ярости, разочарования и опустошения из-за того, что она не сумела убежать от меня, ничто не могло отвлечь ее от ощущения, что я ее предал. И это предательство пылало между нами, превращая нашу любовь в пепел.

– Ни разу я не солгал тебе, *мин астерен*. Да я бы и не смог, даже если бы захотел. Никогда я тебе не говорил, что я не твоя половина, – сказал я, прижавшись лбом к ее лбу и глядя на нее сверху вниз. – Ты увидела то, что хотела увидеть. А я... я просто не стал тебя поправлять. Все, что тебе нужно было сделать, – просто спросить.

ЭСТРЕЛЛА

– Фейри не умеют лгать, – прошептала я про себя, вспоминая легенды, которые читала в книгах во время нашего короткого пребывания в туннелях Сопротивления.

Я допускала, что большинство из них были высокопарными версиями правды: таково человеческое восприятие живых существ, которые всегда были больше, чем сама жизнь.

– Все истории, которые я рассказывал тебе о своей жизни, были правдой. Все, что ты узнала обо мне и моей жизни, было правдой. Я никогда не лгал тебе, – сказал он, стиснув зубы, тщательно обдумывая слова.

– Ты рассказал мне кучу полуправды о фейри, заменив ею реальность. То, что ты не лгал, еще не означает, что ты был честен.

Я провела языком по зубам, борясь с приступом тошноты, волной поднимавшейся у меня в животе. Он смотрел на меня, как будто ничего не изменилось, как будто он все еще был человеком, в которого я влюбилась, потеряв голову. Но... из-за него я потеряла не только голову – я потеряла все.

Он был виноват в том, что моя мать осталась одна в де-

ревне, населенной жестокими людьми, которые больше в ней не нуждались. Он был виноват в том, что тело моего брата плавало где-то в море. Если бы Калдриса не существовало, я была бы уже... мертва, но, по крайней мере, с моей семьей ничего бы не случилось.

– Я просто никогда не говорил тебе, что я – фейри. В этом, если хочешь, можешь меня винить, но только тогда, когда точно ответишь на вопрос – зачем это было необходимо? – сказал он, склонив голову набок.

Он наблюдал за мной и видел, что в глазах у меня горит ненависть.

– Ты забрал у меня все, – ответила я.

Слова прозвучали с такой же хрупкостью, какую я чувствовала внутри. Возможно, он не был виноват в событиях, которые привели к моему падению, но все равно все они были так или иначе сопряжены с ним. С его существованием и с этой дурацкой связью, что нитью протянулась между нами, несмотря на мое желание разорвать ее в клочья, как будто она имела какое-то право владеть моей душой, несмотря на мои возражения.

Он поднял руку, чтобы коснуться моей шеи, и завитки его метки фейри ожили, извиваясь у него по коже. Черный круг на тыльной стороне его ладони стал казаться каким-то более глубоким, от него отходили затененные щупальца чистой тьмы, будто он не мог полностью сдерживать сочившуюся из него магию. Чернила его метки расползались все дальше и

уже скользили по всем его пальцам.

– Все? Ты имеешь в виду свою невообразимо прекрасную жизнь? – спросил он хриплым от ярости голосом. – Домогательства и издевательства лорда вашей деревни. Ежедневный адский труд до кровавых ран и шрамов, чтобы накормить людей, которых ты не знаешь и, очевидно, никогда не узнаешь.

Он взял меня за руку, сжал ее и провел большим пальцем по бледным белым шрамам, оставленным шипами кустов с лиловыми ягодами. Круг, который когда-то казался тусклым по сравнению с остальной частью моей метки фейри, ожил под его прикосновением. Рука у меня загорелась, метка запульсировала, направив ударную волну обжигающего жара сквозь мои пальцы, чернила сплелись вокруг костяшек, чтобы совпасть с его кругом.

– Что ты сделал? – спросила я, чувствуя шок от боли, и попыталась оторвать свою руку от его.

Он держал меня крепко, отказываясь отпустить, пока моя кожа горела и шипела. Наконец жар метки начал угасать, а чернила осели на моей плоти.

– Когда Стража Тумана попыталась убить тебя, твой страх пробудил зимнюю часть твоего *Виникулума*. С того момента ты надеялась на него, верила, что он защитит тебя, и даже не пыталась получить доступ к другой части себя – той, что исходит из двора Теней. Да, в тебе существует еще одна часть, она ждет внутри, пока ты не решишь воспользоваться

ею впервые. Ты можешь делать все то же, что и я, правда, немного в меньшем масштабе, детка, – сказал он, указывая на мертвых вокруг себя и на то, как они ждали его безмолвной команды. – Если я – бог Мертвых, то зеркало моей власти позволяет тебе воскрешать мертвых так же, как это делаю я.

Я сглотнула, глядя на новые чернильные завитки, выющиеся у меня по руке, желая, чтобы они исчезли. Я не хотела иметь ничего общего с некромантией, которую он навязал мне, с коварной магией, о которой я не просила и в которой не нуждалась. Я не хотела, чтобы она пульсировала в моем теле. Но она упруго сжалась внутри меня – темная, тяжелая, угрожающая.

– Пришло время пробудить другую часть тебя, – сказал Калдрис, склонив голову набок, наблюдая, как я собираюсь воевать с тем, что сидит у меня внутри.

Мне было интересно, слышит ли он это. Дала ли ему наша связь доступ к моим внутренним мыслям – единственному, что, как мне казалось, было от него закрыто?

Единственная моя часть, которой он не мог коснуться.

– Я не хочу этого, – запротестовала я, качая головой и окидывая его взглядом.

– Это такая же часть тебя, как и я, – сказал Кэлум.

Мысленно я отругала себя за имя, которым больше не могла его называть. Бог Мертвых не был тем человеком, с которым я провела несколько недель. А имя Калдрис совсем не

подходило мужчине, в которого я влюбилась по уши, несмотря на здравый смысл.

Я знала, что в конце концов он только разобьет мне сердце. Но такого я просто не ожидала.

Мое сердце сжалось еще сильнее после того, как он признался, что ищет дочь Маб. Значит, он здесь вообще не ради меня, а ради дочери королевы Воздуха и Тьмы.

– Как ты можешь быть частью меня, если я даже не знаю твоего настоящего имени? Почему *Кэлум*? – спросила я, не обращая внимания на холодный страх, пульсирующий у меня в венах из-за того, что мне может не понравиться ответ.

Станет мне еще больнее или полегчает, если окажется, что он просто назвал первое попавшееся имя? Если имя, которое я полюбила всеми фибрами своей души, тоже окажется ложью.

Но феяри не умеют лгать.

– Это имя мне дали при рождении. Так назвала меня моя мать, когда я родился, – до того, как Маб украла меня из колыбели и принесла во двор Теней, чтобы наказать ее, – признался Кэлум, отвечая на вопрос, почему он назвался вымышленным именем.

По всей вероятности, именно это имя и было настоящим, а не то, под которым его знал мир.

Имя Калдрис было ложью. Это имя ему навязала Маб, чтобы украсть его личность.

Его признание тронуло мне сердце. Мысль о ребенке,

украденном из дома и доставленном в такое место, которым, по его утверждению, правит самая чудовищная из всех фейри, была чем-то совершенно невообразимым. Я даже подумать не могла о том, каково это – находиться рядом с королевой Воздуха и Тьмы, будучи маленьким мальчиком.

Дыхание у меня внезапно сбилось, когда до меня дошло. Она была его мачехой. Женой его отца. Женщиной, о которой он рассказывал и которая была с ним так жестока, что разрушила его отношения с отцом, была королева Маб.

Я потрясла головой, пытаюсь избавиться и от этой мысли, и от жалости к такой жизни. Его трагическая предыстория никак не умаляла его вины за то, что он сделал со мной и что явно собирался делать дальше.

Я больше не буду узницей собственной жизни, даже если мне придется убить его, чтобы обрести свободу.

Он в ответ уставился на меня, пытаюсь обнаружить реакцию, но этого я ему не позволила, хотя она и бурлила внутри, медленно пожирая меня. Я попросила его оставить меня в покое, глядя на него, чтобы взрастить в себе жестокость, а не сочувствие. Я не хотела ему сочувствовать.

Он медленно отстранился, смиренно вздохнул и задумчиво скривил губы. Коротко посмотрев вдаль, он снова обратился на меня свой пылающий взгляд.

– Я должен вызвать Дикую Охоту, – сказал он наконец, приподняв бровь, словно ожидая моего протеста.

Я промолчала, и он, развернувшись на каблуках, начал

уходить. Вокруг меня стеной сомкнулись мертвые, заключая в круг их защиты в его отсутствие.

Я не смогла удержаться от вопроса, который сорвался у меня с губ, несмотря на мою решимость хранить молчание:

– Почему же они дрались с тобой? Наверняка они должны были знать, кто ты?

Он оглянулся на меня через плечо, и уголки его рта приподнялись в ухмылке.

– Думаешь, члены Дикой Охоты умеют видеть сквозь чары бога? – спросил он, снова отвернувшись, и продолжил свой путь.

А мне осталось лишь переваривать этот кусочек информации. Из-за высокомерия, звеневшего в его голосе, я почувствовала себя глупо, осознав, как мало я понимаю в различиях между Дикой Охотой, обычными фейри, которых в книгах называют сидхе, и собственно богами.

Основная предпосылка их иерархии была достаточно проста: Первородные были самыми могущественными существами из всех когда-либо живших, а боги – их детьми. Но сколько силы разделяло богов и сидхе?

Калдрис не спеша шагал среди развалин по городской улице, оставив людей с метками фейри и меня на свою верную армию мертвецов, которая охраняла нас. У меня были личные охранники, и я, стоя внутри их защитного круга, отвернулась, чтобы не видеть, как он уходит, попыталась отбросить в сторону воспоминания о том дне, когда наблюдала

за его упругой задницей. Когда он прогуливался по горячему источнику. Когда я впервые увидела его голым.

Сейчас не время вспоминать об этом. Да и он оказался не тем мужчиной, которого стоило вожделеть. Он оказался даже не мужчиной.

Я увидела других меченых, которые стояли на коленях, загнанные в свой круг, из которого вырвалась я, когда сбежала. Мертвецы не выпускали их, но внутри они передвигались свободно. Выражение их лиц давило мне на душу, меня переполняла ненависть к себе – ведь это я привела их прямо в лапы к монстру.

– Мне жаль, что так вышло...

– Оставь при себе свою жалость, предательница. Подстилка фэйри, – сказал один из них, сплюнув на землю, как будто я заслуживала чего-то худшего, чем то, что приготовила мне судьба.

Возможно, они были правы. Я перевела взгляд на землю у своих ног и закрыла глаза, стараясь справиться с дрожью в конечностях.

При первой же возможности я бы освободила их, но как я могла это сделать, если была не в состоянии помочь даже себе?

Что-то влажное и грязное ударило меня в лоб и потекло по лицу, затуманив зрение. Меченые засмеялись, когда я подняла руку, чтобы стереть грязь, сбрасывая ее на землю. В этот момент в меня швырнули еще раз.

Я отклонилась в сторону, чтобы избежать попадания в лицо, и вздрогнула, когда мокрое полужастывшее месиво ударило меня сбоку в шею. Грязь попала под тунику и, согреваясь, оттаивая, заскользила по коже. Я посмотрела на мужчину, который плюнул на землю, когда я попыталась извиниться. Он уставился на меня, и его рот скривился в рычании, которое и меня заставило опуститься до их уровня. Собрать в руки грязь и присоединиться к их жестокой игре.

С другой стороны их круга вылетел еще один комок грязи, попав мне в скулу. Я сдержала крик, который обжег мне горло, когда измельченные обломки разрушенных строений города впились мне в кожу. За ним последовал еще один, а затем еще один, и скоро я была уже полностью покрыта слоем грязи. Их удары были довольно меткими. Ведь им нужно было прицелиться и попасть в щели между окружавшими меня трупами.

Я повернулась к ним спиной, пытаюсь понять, куда ушел Калдрис. Его нигде не было видно, и я подозревала, что он специально не обращал внимания на унижение и грубые выходы, которые другие меченые обрушили на меня.

Я бы не стала так поступать даже с фейри. Я бы не стала так унижать ни одно живое существо. Ни за что и ни над кем не стала бы так издеваться. Но они издевались надо мной, унижали меня – унижали себе подобного человека. Того, кто мог бы стать им другом при других обстоятельствах.

Плечо мне пронзила боль. Вспыхнула белым пламенем и

поставила меня на колени. Я упала на камни, успев выставить перед собою руки, но правая рука рухнула под моим весом. Щекой я ударилась о камень, в голове затрещало, а перед глазами все поплыло, как в тумане.

Борясь с тошнотой, бурлившей в животе, я подняла левую руку над головой и потянулась ею за спину. К жару, прожигающему меня насквозь. Пальцы коснулись рукояти кинжала. Он торчал у меня из плеча, а рука безжизненно висела на боку.

Я никак не могла ухватиться пальцами за рукоять, не могла полностью обхватить ее, чтобы вытащить лезвие из плоти. Опустив левую руку на землю и приподнявшись на одной ладони и коленях, я изо всех сил попыталась встать на ноги, но поскользнулась в грязи и не смогла защититься даже от комьев, которые они продолжали швырять в меня. Мы все знали, что я это заслужила. Я попала на его ложь, как рыба на крючок. И, может быть, если мне повезет, они найдут еще один метательный кинжал и убьют меня, прежде чем Калдрис сможет вернуть меня в Альвхейм. В голове все еще звенело обещание, которое я дала своему брату. Он говорил, что лучше мне умереть, прежде чем я когда-либо ступлю на землю фейри. И теперь эти его слова казались еще более важными. Я не могла позволить Калдрису победить. Не могла допустить, чтобы он заполучил меня. Счастливого конца у нашей истории быть никак не могло.

– Ты привела его сюда, – обвинила меня одна из меченых,

и ее голос прозвучал в воздухе, словно хлыст, когда я наконец с трудом поднялась на ноги.

Я покачнулась, голова пульсировала от боли, рука бесильно висела на боку, но я медленно повернулась к ним лицом.

– Если бы не ты, мы до сих пор были бы свободны.

– Мы пришли сюда, чтобы спасти вас. Мы хотели доставить вас в безопасное место, где вас не смогли бы найти фейри, – говорила я, опустив голову и оглядываясь через плечо. – По крайней мере, я так думала. Я не знала, что он – фейри.

– Удобная отговорка, – сказала она, наклонившись, чтобы собрать побольше грязи с того места, где когда-то был сад и обочина мощеной дороги.

Эти люди не знали меня. Они ничего не знали ни о Кэлу-ме, ни обо мне, ни о сложном пути, который мы прошли вместе. Но они были правы, когда говорили, что это я виновата в том, что он здесь появился, даже если и не понимали, насколько нежеланной была эта роль для меня.

Еще один комок грязи ударил меня в грудь, брызги попали на горло и подбородок.

– Прекратите, – сказал мертвенно-тихий голос.

Воздух вокруг замер и, казалось, застыл в унисон с его яростью, нахлынувшей на меня. Я по личному опыту знала, что бездонный холодный гнев, возникающий в тишине, гораздо опаснее поверхностной ярости человека, кричащего

мне в лицо.

Холодная расчетливая ярость была куда страшнее.

Я повернулась в сторону голоса, чтобы посмотреть на Калдриса во всей его красе, пока он приближался ко мне. Мертвые расступились перед ним, молча пропуская его. Он поднял руки к моему лицу, обхватил ладонями мою голову и большими пальцами смахнул с кожи грязь. На щеке у меня атели царапины от щебня в комках грязи. Он внимательно осмотрел их, затем переместил взгляд на другую щеку, которая опухла от удара, когда я упала.

Он не прикоснулся к ножу у меня в плече, но я знала, что он должен был его видеть. Приблизившись, он должен был сразу заметить блестящую рукоять. Ноздри у него раздулись, когда он опускал мне на шею руку, которая вдруг зависла в воздухе, будто он не мог заставить себя прикоснуться ко мне. Когда он наконец взял меня за плечо, его пальцы коснулись кожи, жаром пульсирующей вокруг лезвия. Он отдернул руку, на мгновение уставившись на кровь на большом пальце. А потом положил его в рот и облизал.

– Кто? – спросил он, махнув головой в сторону группы меченых.

Я сглотнула, покачав головой, отказываясь отвечать на вопрос. Даже если бы я знала, кто из них метнул кинжал, я бы не смогла обречь их на неминуемое наказание. Я чувствовала, как ярость волнами изливается из Калдриса, и знала: что бы он ни сделал с людьми, которые, по его мнению, причи-

нили мне боль, это будет ужасно.

– Ты собираешься убивать себе подобных? – спросила я, склонив голову набок.

У него из груди вырвалось рычание, и этот звук был совершенно нечеловеческим. Он окинул их взглядом черных глаз. На его лице отражалась борьба – неуверенность боролась против ярости – за господство. Но наконец он схватился за рукоять кинжала, торчащего из моего плеча.

Когда он выдернул его из моей плоти, я закричала от боли. Колени у меня подогнулись, и я бы упала, если бы он не поймал меня, крепко удерживая в руках. Затем он, используя тот же нож, провел лезвием по своему запястью.

В воздухе возник запах его крови, смешанной с моей, и у меня перехватило дыхание. На меня нахлынули нежелательные воспоминания, что все это уже было, когда он поднес кинжал к моему лицу. Из раны, которую он нанес себе, капала кровь, орошая землю у его ног.

Я сглотнула, прогоняя странное скручивание в животе. Во мне нарастало желание, которое я никак не могла понять. Это был не голод и не какое-то другое знакомое мне чувство. Это было ощущение, что нечто в его крови ждало признания – завершения.

– Лучше я буду чувствовать боль от тысячи клинков, чем знать, что какая-то часть тебя проникла внутрь меня.

Его голова склонилась набок, а кровь продолжала капать на землю.

– Напомнить тебе, что моя кровь уже есть внутри тебя? Что ты приняла в себя мой член? Что моя проклятая душа уже живет внутри тебя? – спросил он, не отводя от меня взгляда своих темных глаз.

Он провел большим пальцем по крови на запястье и прижал его к моим губам, так что желание открыться ему на встречу стало почти невыносимым. Надавив еще сильнее, он заставил мои губы разжаться и капнул своей кровью мне на язык. Ее вкус затопил меня, заставив душу плакать, когда он отстранился. Кожа на его запястье снова затянулась, и я все смотрела и смотрела на свежий шрам, чувствуя, как заживают мои собственные раны, и теплое покалывание, которое оставляет за собой ощущение стянутости.

– Я не позволю тебе страдать без нужды, звезда моя. Я – твоя плоть и кровь. Что бы ты ни делала, ты никогда не сможешь отделить меня от своих костей. Я – владыка твоей души. Все прочее не имеет значения.

3

Армия Кэлума двигалась по улицам разрушенного Кал-фолса – города, который когда-то принадлежал ему и где ему, как Калдрису, поклонялись жившие там люди.

Город, который он разрушил, когда они напали на него – пытали и резали на куски.

Нет ничего более сбивающего с толку, чем наблюдать, как фаланги пальцев скелета отрывают ткань с подола женского платья, чтобы обернуть вокруг раны, кровоточащей на плече. Мертвые заботились о живых, обрабатывая их раны. А выжившие меченые жались друг к другу в защитном круге мертвых и отстранялись от их странно бережных прикосновений.

Остальная часть армии, в которой он больше не нуждался, пала на землю без лишних церемоний. Повинуясь его молчаливому внушению, тела падали с глухим стуком, а их плоть морщилась и быстро разлагалась. Эти удары о землю болью отдавались в моей душе, напоминая о смертях, которым я поспособствовала благодаря собственному невежеству.

Кэлум подошел к одному из лежавших на земле меченых, которого он не успел спасти от меча Стражей Тумана, и, мягко коснувшись пальцами его век, закрыл ему глаза. Он взглянул на один из скелетов, наблюдая, как тот идет по пыльной земле за обочиной мощеной улицы и вонзает в нее ко-

сти своих пальцев. Скелет копал землю, выкладывая ее на камни, расширяя яму. От группы мертвецов отделился еще один скелет и подошел, чтобы помочь.

– Что они делают? – спросила я в замешательстве, с ужасом наблюдая, как они продолжают копать.

Они работали не останавливаясь, хотя любой живой человек ощутил бы боль от всей этой грязи, которая попадала им под ногти.

Под ногти... которых у них нет, напомнила я себе.

– Каждый заслуживает похорон, – ответил Кэлум, бросив на меня взгляд, явно выражавший неодобрение.

– Похорон? – переспросила я.

– Все тела должны быть возвращены земле, чтобы они могли снова примкнуть к круговороту жизни. Иначе мы оскорбим Первородных, – объяснил он, наблюдая, как скелеты продолжают копать.

Внезапно он повернулся ко мне, подошел сзади, оставив между нами небольшое расстояние. У меня дернулись и руки, и ноги, когда я попыталась отойти, чтобы увеличить дистанцию. Но я ни за что не покажу ему, как сильно меня беспокоит его близость, ни за что не доставлю ему такого удовольствия. Он извратит это чувство, превратит его в другое – которое за гранью, едва различимой между любовью и ненавистью.

Тем утром я любила его больше всего на свете. А сейчас я с такой же силой его ненавижу.

– Мы сжигаем наших мертвецов, – прямо сказала я, глядя на мертвое тело на земле.

Кэлум вздрогнул, схватил меня за плечи и развернул так, чтобы взглянуть на меня сверху вниз.

– Нет. Больше никогда ты не будешь так делать, – сказал он, ухватив меня за подбородок большим и указательным пальцами. – Я обязан провести надлежащие погребальные обряды для всех погибших фейри и всех погибших людей с метками фейри. Все остальное будет считаться варварством с моей стороны.

– Значит, это автоматически неправильно, поскольку это не то, во что ты веришь? – спросила я, скрестив руки на груди и поджав губы.

– Нет, не так. Это неправильно, потому что все существа заслуживают похорон и должны знать, что они станут частью этого мира после того, как уйдут. А взять их тела – то, чем они когда-то были, и сжечь – это преступление против них, – сказал он.

– Потому что ты в это веришь.

– Потому что я внук самих Первородных. Потому что я понимаю мертвых и смерть лучше, чем кто-либо другой в этих двух мирах. Потому что веками я отвожу души в Пустоту, где они ждут суда Отца и Матери.

– Какое тебе дело до того, что с нами будет после того, как мы уйдем? Ты его даже не знал. И, скорее всего, никогда не узнаешь, – сказала я и поняла, что из моего голоса исчезла

горячность.

Мне захотелось понять, разобраться, почему этого мужчину, который, казалось, так мало ценил жизнь, так сильно заботит, что происходит после того, как наши души покинут тела. И при этом он был готов осквернить эти тела, достать их из земли для своих целей, лишив так называемых погребальных обрядов.

Скелеты закончили копать неглубокую могилу для меченого мужчины, и Кэлум присел рядом с телом, приподнял и осторожно опустил его в яму. Потом залез в карман штанов и вытащил две блестящие серебряные монеты. Положив их на веки погибшему, он снова посмотрел на меня, пока я внимательно наблюдала за его действиями.

– Мне не все равно, потому что я бы хотел, чтобы кто-то сделал то же самое для тебя, если этот миг когда-нибудь настанет. Меня это беспокоит, потому что ведьмы прокляли нас, чтобы сохранить баланс природы после того, как феири стали слишком могущественными. Цикл жизни является частью этого баланса, и неуважение к нему равнозначно угрозе самой природе.

– А монеты зачем? – спросила я, закрыв глаза, когда скелеты начали засыпать яму землей.

– Паромщик бесплатно не работает. Без монет души не смогут пересечь реку Стикс и войти в Пустоту и проведут в безмирье десятилетия. За свою многовековую жизнь я платил ему бесчисленное количество раз, но сейчас я не в Тар-

Месе и не могу заплатить. Все, кто тем временем умирает, уязвимы, – пояснил он, уходя от ямы и направляясь к центру улицы, где ждали другие меченые.

Он раскинул руки в стороны, и по его ладоням и предплечьям поползли щупальца чернильно-черной тьмы, падая на землю вокруг нас. Трупы Стражей Тумана снова поднялись и двинулись к пространству с голой землей за пределами центра города. Там они опустились на землю, погрузили в нее руки и стали копать точно так же, как другие скелеты выкопали яму для человека.

– Есть в этом что-то успокаивающее, когда наблюдаешь, как твои враги роют себе могилы, – произнес он, повернувшись ко мне.

Его глаза сияли голубым светом, а сила, исходящая от тела, делала воздух вязким, так что было трудно дышать. Из легких у меня вырвался выдох, грудь сжалась, когда этот властный взгляд остановился на мне.

Даже сейчас, когда я узнала, кто он на самом деле, и увидела его во всем могуществе, я все равно замечала в нем признаки человека, в которого влюбилась. В боге все еще мелькали человеческие искры, и я спрашивала себя, не станет ли мне когда-нибудь больно смотреть на него.

– Не смотри на меня так, – сказал он, сдвинув брови, поскольку, казалось, понимал охватившие меня эмоции.

Но внутри меня существовало что-то еще, требуя выхода: злоба раздирала меня изнутри, когда это что-то рвалось на

свободу. Мое сердце содрогалось в груди, когда фантомные когти впивались в мою бьющуюся плоть, как будто существо, которому они принадлежали, могло поглотить меня, чтобы обрести свободу. Глядя на врагов Калдриса, копающих себе могилы, мне захотелось сделать то же самое для себя. Его душа питала и питалась лишь из самых темных уголков моей, заставляя меня жаждать такого очищающего возмездия, которого я не должна была желать для себя.

– Кэлум, – сказала я умоляющим голосом, хотя и не хотела проявлять слабость.

То, что находилось внутри меня сейчас, никогда не существовало там раньше, темные щупальца на моей руке молили меня протянуть ее и прикоснуться к силе, которую он использовал для управления мертвыми. Они звали меня, притягивая к себе, как будто я больше принадлежала к мертвым, чем к живым.

– Знаешь, как это больно? Знать, что каждый раз, когда ты на меня смотришь, ты на самом деле *видишь не меня?* – спросил он, подходя ко мне.

Он двигался медленно, и с каждым шагом его сила приближалась, заключая меня в удушающие объятия, омывая запахом мускусного разложения, напоминающим гниение листьев осенью. Но сквозь нее прорывался и другой запах – запах свежести и чистоты – запах Кэлума, проникающий сквозь дымку, принесенную его силой.

– Знаешь, как больно осознавать, что, если я покажу тебе

свое истинное лицо, ты сбежишь от меня?

– Знаешь, как больно осознавать, что все было полуправдой? – спросила я, наклоняясь и прижимая ладонь к сердцу, пытаясь взять себя в руки.

Он вырвал бы все, что вложил в меня, силой, если бы прикоснулся ко мне, извлекая из меня ту силу, с которой я не хотела иметь ничего общего.

– У нас с тобой в распоряжении все время мира, мин астерен, – сказал он, отступая на шаг.

Как будто чувствовал, что я не выдержу его прикосновений, не выживу, если меня оттащат еще на шаг от моей человечности.

– Скоро ты увидишь, что все, что я сделал, было сделано для тебя, чтобы облегчить неизбежные изменения в твоей жизни и защитить тебя от того, что грядет.

– А что грядет? Ты имеешь в виду что-то еще, кроме того, что мне придется стать твоей парой по принуждению? – спросила я, и если бы не боль, пронзившая тело, я бы, наверное, усмехнулась.

Он вел себя так, будто жертва – это он и будто он не может контролировать то, что происходит со мной из-за объединяющей нас связи, о которой я не просила.

– Я не могу заставить тебя принять эту связь, – сказал он сквозь стиснутые зубы. – Неважно, что ты думаешь обо мне прямо сейчас, фейри никогда не переступают некоторые границы, которые не стесняются переходить люди. Мы не наси-

луем. Мы не навязываем связь, которая будет длиться вечно. Это ведь то же самое, как если бы тебя принудили к браку, которого ты не желаешь.

– В любом случае ты просто заставишь меня поехать в Альвхейм и жить рядом с тобой, – сказала я, и ноги у меня были готовы подкоситься.

Бог Мертвых прищурился, глядя на руку, которую я прижала к своей груди, как будто могла запихнуть эту силу обратно внутрь себя и не дать ей вырваться наружу. Он склонил голову набок, поднял руку с кругом на тыльной стороне и приложил ее к моей.

– Нет, – сказал он, грустно покачав головой.

Он медленно опустил руку, и его ошеломляюще голубые глаза потемнели, когда он бросил взгляд через плечо туда, где Стражи Тумана рыли себе могилы. Все, кроме одного, упали в выкопанные ямы и теперь засыпали себя, пока остальные помогали в погребении.

– Если ты решишь отказаться от меня, я оставлю тебя доживать твою жизнь при дворе Зимы. Моя мать будет заботиться о тебе, как о родной, а я буду держаться подальше.

Я изучала его, нахмутив брови, пытаюсь понять, почему он пошел на такую уступку. Почему он допускает такой вариант, если приложил столько усилий, чтобы заставить меня влюбиться в него? Весь этот разговор казался мне ловушкой.

– Не понимаю.

– Все очень просто. Ты – моя, а я – твой. Но я не могу за-

ставить тебя быть со мной, если ты не любишь меня так, как я люблю тебя, звезда моя. У моей матери ты будешь в безопасности и умрешь своей смертью, когда придет твое естественное время, – сказал он, опустив взгляд в землю.

– А где будешь ты? – спросила я, обдумывая все, что знала о Калдрисе.

У меня было много вопросов о правде, спрятанной за намеками, которыми он ограничивался, рассказывая о своей жизни.

– Пока не наступит день, когда ты примешь меня как свою пару, я должен буду находиться при дворе Теней. А когда ты умрешь, прожив свою последнюю жизнь как человек, я присоединюсь к тебе в Пустоте, чтобы дождаться суда, – ответил он, наблюдая, как последний Страж Тумана опустился в свою могилу.

От группы, охраняющей меченых, отделился один из скелетов, взяв на себя задачу похоронить его должным образом.

Скелет наконец закончил хоронить последнего Стража, полностью закрыв землей униформу – с глаз долой. Теперь мы остались только с теми, кто умер давно. Кэлум протянул мне руку. Его сила уменьшилась и перестала быть такой удушающей, количество мертвецов, которых ему нужно было контролировать, сократилось вдвое, и в мои легкие стремительно вернулся воздух.

– Почему же ты на это согласился? – спросила я, игнорируя протянутую им руку.

– Потому что, пока ты не примешь нашу связь, я должен оставаться таким, каким был всегда. Ты не единственная, кому известно, что значит быть пленником собственной жизни, мин астерен. Я хочу, чтобы у тебя было как можно больше свободы, и не хочу держать тебя в заточении рядом с собой.

– Тогда оставь меня в Нотреке, – сказала я, поморщившись, когда его пальцы нежно сомкнулись вокруг моих.

Он баюкал мою дрожащую руку, проводя большим пальцем по темной отметине на тыльной стороне.

– Здесь я тебя не оставлю. Здесь тебя ждут страдания до самой смерти, когда придет твое время. В Катансии тебе будет хорошо, и ты сможешь жить полноценной жизнью, если уж на то пошло, – сказал он, прижавшись лбом к моему.

В темных обсидиановых глазах у него вспыхивали синие искры и плавала боль, не оставляя сомнений, что он все еще надеется, что я передумаю.

Но я не могла. Он заставил меня пережить предательство. Если я не доверяю ему, то как смогу поверить в то, что он будет действовать в моих интересах, если я приму нашу связь?

Я чувствовала, как эта связь притягивает меня каждый раз, когда он приближался, крепко сжимая в те моменты, когда его глаза встречаются с моими. Его чары сделали очень много: не просто изменили его внешность, но изменили нашу связь, заметно ослабив ее.

– А чего хочу от жизни я, тебя совершенно не волнует?

Однажды я была готова выбрать смерть. Не пойму, что заставляет тебя думать, что я не выберу ее снова, если она будет означать мою свободу, – сказала я, глядя в его ошеломляюще глубокие глаза.

Он положил руку мне на плечо, и контраст его золотистой кожи с моей, цвета глубокой бронзы, заставил меня вздохнуть. Он всегда был красивее меня, но теперь его кожа сияла, как мерцающий отблеск солнца на заснеженных полях.

– Ты была готова умереть? – спросил он, понизив голос.

Мы не говорили об этом подробно и никогда не обсуждали тот факт, что я была всего в нескольких шагах от смерти, когда рухнула Завеса.

Он посмотрел на меня сверху вниз с жестким прищуром, в ярости раздувая ноздри.

– Я почувствовал твою покорность судьбе еще до того, как прорвался сквозь Завесу. Может, потрудишься объяснить? Правда готова?

– Не особенно, – ответила я, полностью уклоняясь от вопроса.

Кэлум знал о лорде Байроне, его мерзких наклонностях и особом интересе ко мне, но ему не нужно было знать подробности того, насколько ужасной казалась мне эта судьба.

Мои секреты знал Кэлум. Калдрису я такой возможности не предоставляю.

У него из горла вырвался натушный смех, неловкий и одновременно довольный.

– Я же просил тебя не лгать мне, – сказал он, приподняв бровь, как будто вспомнил, сколько раз я поступала именно так в гораздо менее серьезных ситуациях.

– А меня не волнует, чего ты хочешь, – усмехнулась я, изворачиваясь, пытаюсь отойти от него подальше.

Он взял мою руку в свою, переплетя наши пальцы, и увел меня от места, где его мертвецы охраняли оставшихся меченых. Они перешептывались между собой, пока он вел меня назад по той дороге, которой мы пришли. Я посмотрела на них через плечо, когда мы проходили мимо.

– Куда мы идем?

– У нас есть еще один мертвец, о котором нужно позаботиться, – ответил он тихо. Мы шагали по улицам города, прошли мимо камня, с которого я спрыгнула, когда мне на горло накинута железные цепи, затем прошли по извилистой дороге, вернувшись на главную улицу, где исчез Бек и была ранена Мелиан.

Когда в поле зрения появилось ее скрюченное тело, я вырвалась из его хватки, поспешила пересечь разрушенную улицу и упала рядом с ней на колени. Я не смогла подойти к ней сразу после нападения. В тот момент я была сосредоточена на том, чтобы выжить. А ее рана, я понимала, была смертельной. После такой даже меченые не смогли бы выжить.

Рука у меня дрожала, когда я подняла ее над раной, из которой все еще сочилась кровь. Тело у нее содрогнулось,

изо рта вырвался рваный вздох, и она с усилием открыла глаза. Ее магическая метка светилась оттенком красного, сила ее *Виникулума* продолжала работать, чтобы спасти ее от чего-то, что она сама уже не могла предотвратить.

– Она жива! – крикнула я, повернувшись и обнаружив, что за моей спиной ждет Калдрис.

Он смотрел на нее глазами, в которых плескалось страдание. Но меня поразило, что у Мелиан не было сил даже взглянуть на него. Я заметила, как смягчился ее взгляд, когда их глаза все-таки встретились. И это было самое худшее, поскольку означало, как далеко она уже ушла.

– Ты должен исцелить ее.

Губы Калдриса скривились, когда он перевел взгляд на меня.

– Я бы так и сделал, если бы мог, мин астерен.

– Ты только что исцелил меня, хотя это едва ли имело значение! Просто дай ей свою кровь...

– Магия крови работает только внутри парной связи. Фейри не могут исцелить человека, который не является второй половиной нашей души, – объяснил он, заставив меня в отчаянии опустить голову.

Мне надо было, чтобы она жила, чтобы сказала, что мне делать. Он отошел, дав мне время сжать руку Мелиан в своей и поднести ее к щеке. Все тело у нее было в крови, как будто она пыталась наклониться и удержать внутренности в себе, чтобы предотвратить смерть, которая, она знала, уже рядом.

– Все в порядке, – прошептала она, прерывисто дыша. – В любом случае лучше умереть, чем отправиться в Альвхейм.

– Нет, не в порядке. Ты должна вернуться в туннели и предупредить обитателей о Кэлуме. Я должна была послушать тебя. А не быть настолько слепой, чтобы не увидеть, кто он на самом деле, – прошептала я, и слова повисли в воздухе между нами.

Ее губы дернулись в грустной улыбке. Она не хуже меня знала, что это правда. Все это время она знала. А он сделал из меня дуру.

– Тебе нужно уйти от него, – сказала она и прервалась, чтобы сглотнуть и продолжить: – Ты уже видела, как он силен. Только представь, что произойдет, если ваша парная связь замкнется. Он обретет полную силу. Чего бы это ни стоило, Эстрелла, ты не должна позволить ему забрать тебя в Альвхейм.

Ее речь оборвалась, и она уставилась на мою руку, слабо сжимая ее своими пальцами.

– Я не позволю. Обещаю, – сказала я, зная: что бы ни случилось, я должна сдержать обещания, которые дала ей и брату.

Я не могла позволить Калдрису забрать меня в мир фейри. Глаза у нее наполовину закрылись, тело обмякло, хотя она еще продолжала дышать.

– Избавь меня от страданий, – простонала она, убирая свою руку с моей, чтобы еще раз коснуться раны.

Калдрис, казалось, услышал ее мольбу, хотя находился достаточно далеко – ни один человек не услышал бы ее слов на таком расстоянии. Он обнажил меч и подошел ближе к нам, не обращая внимания на мои широко распахнутые глаза.

– Закрой глаза, Мелиан, – сказал он, опустив руку ей на лоб, закрывая глаза. – И обрети покой в Пустоте, пока следующая жизнь вновь не призовет тебя к нам, или обрети покой с Отцом в Валгалле.

– Я думала, что женщины попадают во владения Матери, – сказала она едва слышным шепотом.

Калдрис улыбнулся ей, хотя она этого не видела. Это была первая искренняя улыбка женщине, которую, он, казалось, терпеть не мог.

– Люди могли бы так подумать, но Отец и Мать не подразумевают отношение к полу, в которое верите вы. Такого воина, как ты, Отец примет с распростертыми объятиями.

Он коснулся мечом ее шеи, плавно провел по ней острием, быстро покончив с ее жизнью, не угрожая ее сердцу и не принуждая к окончательной смерти до того, как придет ее естественное время. Ее рука упала с туловища, скользя вниз на покрытую щебнем землю. Калдрис вернул свой меч в ножны у себя на спине.

Я смотрела на женщину, которая была руководителем Сопротивления и казалась большей, чем сама жизнь, в том мире, где женщины считались лишь дополнением к мужчинам. Из раздумий меня вырвал скрежет кости о камень, и я уви-

дела, как вызванный Калдрисом скелет поднял валун и вонзил его в землю у дороги.

– Позволь мне совершить человеческий обряд для ее погребения, – попросила я, желая почтить смерть Мелиан и похоронить ее так, как хотела бы она, если бы могла выбрать.

Кэлум посмотрел на меня, и глаза у него стали серо-голубые, как первый зимний лед на озере.

– Я обязан похоронить ее надлежащим образом, – ответил он.

Вид у него был такой, будто он хотел извиниться за то, что должен был сделать. Но у меня почти не было сомнений, что он должен был уступить и сделать то, что выбрал бы для себя сам человек.

Я молча стояла на коленях, пока скелет копал могилу для Мелиан. Смотрела, как Кэлум осторожно поднял ее на руки и опустил в яму в земле. На глаза легли две серебряные монеты. Металл блеснул на свету, и у меня из горла вырвался сдавленный всхлип. Затем он зачерпнул первую горсть земли и начал засыпать тело. Он работал в тандеме со скелетом, закапывая могилу, пока Мелиан не исчезла из виду, полностью засыпанная землей.

4

Как только Мелиан не стало видно, Калдрис повернулся ко мне, его взгляд смягчился, когда он увидел влагу у меня на щеках.

– Мне жаль, детка, – сказал он, взяв меня двумя пальцами за подбородок.

Прохлада его кожи проникла сквозь оцепенение, охватившее мое тело, наполнив приторной печалью, грозившей захлестнуть меня с головой.

На несколько мгновений страх ушел. Страх за выживание или за то, что произойдет, если я не уйду от мужчины, который хотел объявить меня своей парой. Осталось только странное, непрекращающееся желание снова ощутить то удовлетворение, которое я почувствовала на границе у Завесы. Когда Пустота ждала меня, звала меня по имени, и я знала, пусть совсем недолго, что боли больше не будет.

Этот мир был уродлив. Он был несовершенен и горек, и в нем было слишком много смерти, чтобы продолжать жить. Призраки прошлого будут преследовать меня и людей, которых я любила, целую вечность, если Калдрис сделает по-своему, а я считала, что не настолько сильна, чтобы пережить это.

– Когда придет мое время, я хочу погребальный костер, – сказала я.

Мои слова звучали громко, в голове у меня было пусто, и пустота проникла в мой голос и повисла между нами. Я сосредоточилась на его лице и увидела боль, которая исказила его черты от моего резкого заявления. Он понял, что я хотела сказать: это был отказ от всего, что было так важно для него.

– И я не хочу никаких монет на глаза, – продолжила я. – Я хочу, чтобы моя душа блуждала и ждала прохода. Мне нужно больше времени, прежде чем я вернусь к тебе в следующей жизни.

Он закрыл глаза и сильно прикусил себе нижнюю губу. Темные глаза наполнились тоской, и когда он снова открыл их, мне стало трудно дышать.

– Ты хочешь сделать мне больно, звезда моя? Ты этого добиваешься? Мне и так пришлось прожить несколько веков без тебя.

Я поднялась в полный рост там же, где стояла в грязи на коленях и смотрела, как скелеты хоронят Мелиан. Рука Калдриса упала.

– Я просто не хочу иметь с тобой ничего общего, – сказала я, высоко вздернув подбородок и глядя ему в глаза. – Если это означает, что мне придется бесцельно скитаться без места, которое можно было бы назвать домом, то пусть так и будет.

Он грустно улыбнулся, поднял руку и положил ее на метку фейри у меня на шее.

– Ты просто накажешь себя. У тебя не будет следующей жизни. Больше не будет никаких реинкарнаций, чтобы вернуть тебя мне. Это твоя последняя жизнь, мин астерен. Мы уже потеряли столько лет, – сказал он, хватая меня за руку.

Он положил мою руку на свой *Виникулум*, зазеркалив свое положение, и у меня по телу запульсировало тепло. Подобно замкнутому кругу, его энергия с гулом проходила сквозь меня и возвращалась к нему, соединяя нас таким образом, что это казалось гораздо более близким, чем те ночи, когда он был внутри меня со своими чарами.

– Пожалуйста, не упусти наш последний шанс на счастье.

– Довольно смело с твоей стороны предположить, что я когда-нибудь смогу быть счастлива с человеком, который лгал мне, – сказала я с придыханием, когда он коснулся моего лба своим.

Тьма его глаз заглянула мне в душу, угрожая украсть мысли прямо у меня из разума. Я не сомневалась, что если он их обнаружит, то обязательно использует против меня.

– Я не человек, мин астерен. Тебе придется перестать предъявлять ко мне стандарты, которые ты предъявляешь к человеку, – сказал он, нежно проводя большим пальцем по моей скуле и подбородку. – У фейри совсем другие мотивы и потребности. Если человек теряет жену, он в конце концов находит другую. У фейри может быть только одна пара. Среди всех созданий этого мира есть только одно существо, которое может заставить нас почувствовать себя одним целым.

Только одно-единственное существо, которое может принести нам радость, связанную с рождением детей. Как думаешь, что сделал бы человек, оказавшись в таких обстоятельствах?

Я молчала. Ответить мне было нечего, а сотрясать словами воздух не очень хотелось. Человеческие мужчины брали то, что хотели, не задумываясь. Они заставляли нас подчиняться их потребностям, действуя при этом так, будто мы были вращающимися дверями. Они легко меняли нас.

– Тот факт, что они отвратительно ведут себя, не оправдывает твоего поведения. Это просто означает, что все вы есть зло. А я цеплялась за надежду, что, может быть, в этом богом забытом мире есть хоть одно хорошее существо. Спасибо, что показал мне, как сильно я ошибалась в своих надеждах, – сказала я, отводя глаза.

Связь между нами прерывалась, и от этого становилось трудно, почти невозможно дышать.

– Наверное, мне следовало забрать тебя из компании твоего брата той ночью в амбаре? Зарезать его за то, что он посмел встать между мной и моей половиной, и забрать тебя к себе в дом прямо там и тогда? Я дал тебе то, чего большинство никогда не имело: возможность узнать меня, возможность полюбить меня, прежде чем я лишил тебя всего, что, как ты думала, знаешь о себе. – Рука, лежавшая на метке у меня на шее, сместилась вниз, ладонь прижалась к краям метки и замерла прямо над моим сердцем. – Можешь сколь-

ко угодно притворяться, что ненавидишь меня, мин астерен, но я знаю правду.

– И что это за правда? – спросила я дрожащим голосом, когда он впился пальцами в то место, где в вырезе моего платья виднелась грудь.

Когда он прикоснулся рукой к моей голой коже, у меня перехватило дыхание. Теперь между нами был только слой грязи.

Он провел моей рукой вниз по своей шее, подsunул ее под развязанную шнуровку своей туники, чтобы я тоже прикоснулась к его золотистой коже. Положив мою руку себе на сердце и полностью зазеркалив положение наших тел и рук, он ухмыльнулся и легонько стукнул меня по груди ладонью.

И мое сердце замерло, перестав биться.

Прошла секунда. Затем еще одна. Я ждала, когда меня снова наполнит ровный гул, ждала, когда мое тело почувствует, что оно снова может функционировать, а потом в ужасе посмотрела на его руку, лежавшую у меня на груди. Без стука моего сердца, перекачивающего кровь по венам, тишина вокруг нас казалась слишком громкой.

Я напряглась, пытаюсь высвободить сдавленное дыхание, и от паники глаза у меня были готовы выскочить из орбит. Даже сквозь дымку ужаса моя ладонь на его груди оставалась неподвижной. Его сердце тоже остановилось. Ничего не указывало на то, что он вообще был жив, поскольку его лицо исказила гримаса, которая, должно быть, полностью отража-

ла мою.

Он еще раз легонько толкнул меня ладонью в грудь, и мое сердце снова забилося, будто никогда не останавливалось. Грудь расширилась, снова стало можно дышать, но я не сразу поняла это, забыв наполнить легкие. Его сердце забилося в одном ритме с моим.

– Мы – две половинки одной души. Сердце, которое бьется в твоей груди, принадлежит мне, и только мне.

– Никогда больше так не делай.

Грудь у меня тяжело вздымалась и опадала, пока я вырывалась из его объятий, устанавливая столь необходимое между нами расстояние. Я чуть не упала на задницу, едва оторвав себя от связи, которая крепла с каждым мгновением, которое я проводила с ним в его истинном обличье. Он поднял на меня взгляд, опустил руку и посмотрел из-под ресниц. Глаза его опасно мерцали.

– Не делать что? – спросил он, склонив голову набок.

В этот момент в его чертах мелькнуло что-то дикое. Он напомнил мне хищника, наблюдающего за своей добычей за несколько мгновений до нападения.

– Напомнить тебе, что мы уже связаны безвозвратно? Какую бы жалкую ложь ты себе ни придумывала. Мы предназначены друг для друга. Так решили Судьбы. Даже несмотря на то, что наша связь неполная, она крепче, чем у большинства.

Он поднял руку, его ладонь была обращена к моей. Моя

рука поднялась, словно по команде, прижавшись к невидимой преграде между нами, которая так сильно напомнила мне о том дне, когда я коснулась Завесы и на мгновение ощутила чье-то присутствие по ту сторону. И в угасающем свете дня, сверкая, появилась единственная золотая нить судьбы. Я замороженно смотрела, как двигаются мои пальцы – туда-сюда, туда-сюда. Нить обернулась вокруг моего среднего пальца, протянулась к его руке и обернулась вокруг его пальца.

– Даже ты не можешь избежать своей судьбы, звезда моя, – сказал он, протягивая руку вперед, пока нить не обвилась вокруг наших соединенных рук. – Если ты умрешь, я последую за тобой.

– Я умирала двенадцать раз, а ты все еще здесь и продолжаешь мучить меня, – сказала я, отстраняясь, когда он переплел наши пальцы.

– Тогда мы еще не встретились. Наша связь не окрепла. И те жизни не были твоей последней жизнью, мин астерен. Все эти вещи влияют на то, последует ли фейри за своей половиной в загробную жизнь. Закольцуем мы нашу связь или нет, все равно мы теперь связаны, – ответил он, наблюдая, как нить исчезает из виду.

Вырвав свою руку, я наконец освободилась и, споткнувшись, отступила. Я повернулась лицом к покрытой щебнем дороге, которая должна была привести меня назад к другим людям с меткой фейри.

– Как наша связь может укрепляться, если я не могу даже смотреть на тебя? – спросила я, бросив на него быстрый взгляд через плечо.

В нем еще оставалось что-то от человека, которого, как я думала, я люблю, и это почти раскололо мое сердце на две половинки. Но мужчина, который смотрел на меня сейчас, был намного больше. Выше, шире в плечах, грознее и опаснее, но при этом каким-то образом умопомрачительно красив, несмотря на резкие черты его неземного лица.

– Первое правило существования в мире фейри: никогда не поворачивайся спиной к хищнику, – сказал он, подойдя ко мне сзади.

Он не коснулся меня даже на мгновение, но я почувствовала его присутствие позвоночником. Я стояла не двигаясь, отказываясь повернуться и посмотреть на него, подарить ему хотя бы взгляд. В глазах у меня горели слезы, я чувствовала горе каждой частичкой тела, и мне не хотелось, чтобы он видел меня такую.

Хотя Мелиан я знала не так давно и она не всегда мне нравилась из-за резкого характера, но она стала для меня кем-то, кого я уважала и к кому прислушивалась. Зная, что она присоединилась к мертвым – была вне моей досягаемости, рядом с моим братом, – горе, которое я не позволяла себе чувствовать, когда моя жизнь была в опасности, теперь угрожало поглотить меня целиком.

Я почувствовала его руку у себя под коленями. Сначала

мне показалось, что он сбил меня с ног, затем я на мгновение оказалась невесомой, когда Калдрис подхватил меня на руки. Он прижал меня к груди и слегка подбросил в воздух, так что я повернулась к нему лицом и в панике обвила его шею руками.

– Отпусти меня!

Я кричала и вырывалась, но при этом цеплялась за него в страхе, что он может просто бросить меня. Мы оба знали, что, если бы мы поменялись местами, я бы первая швырнула его на землю в надежде, что он ударится головой о камень.

– Кажется, мне совсем не нравится этот вариант, – размышлял он, широко шагая вперед по неровной земле, по кочкам и по трещинам в камнях, будто они для него не существовали. Но даже сейчас мне все равно хотелось упасть лицом вниз.

– Куда ты меня тащишь? – спросила я, бросив панический взгляд через его плечо.

Группа меченых осталась в противоположном направлении, и я думала, что ему не захочется уходить от них слишком далеко.

А что, если они сбегут?

– К водопаду, чтобы как следует отмыть тебя, – ответил он, наступая на особенно сильно зазубренный камень.

Кончики моих пальцев коснулись рукояти его меча. Мне страстно захотелось вытащить клинок и прижать к его горлу. Вернуть себе свободу через насилие и кровь – точно так, как

он хотел владеть мной.

– Это было бы неразумно, мин астерен. Мы оба знаем, что ты меня не убьешь.

Я не была уверена, преднамеренно ли он так выразился или по чистой случайности. Он не сказал *«не сможешь»*. Он сказал *«не убьешь»*. И я решила, что однажды докажу, что он ошибается.

– Может, я хочу забрать не твою жизнь, – сказала я, когда он повернулся.

Я отпустила его шею и скользнула рукою вниз, крепко ухватившись за ткань его туники.

Тело у него стало твердым, мышцы на груди напряглись под моими пальцами, и он вздрогнул от моих слов. Я смотрела ему не в глаза, а в шею, сбоку, не желая, чтобы он заметил страх, который мои же слова вызвали у меня. Я была бы рада однажды отправиться в Пустоту, рада, что покончу с собой, даже подозревая, после ритуала в лесу на Самайн, что это, возможно, моя последняя жизнь.

Но я точно знала, что предстану перед судом Отца и Матери, а уж они-то будут знать, что мой последний поступок был проявлением трусости. И это была совсем другая картина смерти. Раньше я пыталась выбрать ее, чтобы не жить жизнью пленницы. А теперь мне казалось, что я хочу использовать смерть, чтобы сбежать от страха перед неизвестным, от того уродливого, вывернутого наизнанку существа, которое Калдрис поселил внутри меня, от связи между нами, ко-

торая угрожала всему, что, как мне казалось, я знала о себе.

Если Судьбы выбрали для меня именно *это*, не рассердятся ли Отец и Мать на меня, что я отвергла такой путь? Не бросят ли они меня в Тартар, приговорив к вечному проклятию?

А существовал ли Тартар на самом деле? Или он просто был еще одной концепцией, чтобы заставить нас подчиняться богам, которым мы поклоняемся в Храме?

Рев водопада становился все громче по мере того, как мы приближались к нему в тишине. Напряжение его тела так и не ослабло, так и не вернулось к спокойствию, которого я ждала от него даже перед лицом своего гнева. Слезы, обжигающие мне глаза, наконец пролились, когда вокруг меня сомкнулась ловушка нашей проклятой связи.

Только остановившись у озера у подножия водопада, он поставил меня на землю, осторожно опустив на скалу. Я вцепилась в его рубашку и вытерла о нее щеки, пытаясь скрыть следы своего плача. Ему пришлось ощупать мокрое пятно на своей одежде, но он не сказал ни слова, позволив мне попытаться обрести хоть какое-то подобие достоинства.

Когда я всхлипнула последний раз, вытирая остатки влаги с лица, Калдрис схватил меня за волосы на затылке и осторожно отвел мою голову от себя. Тогда я наконец выпустила из рук его тунуку и посмотрела в его сияющие голубые глаза. Они были совсем не похожи на обсидиановый взгляд, к которому я привыкла, они не излучали тепла, которое излучал

взгляд темных глаз.

Эти глаза... Они были такими... *другими*.

– Ты не станешь себе вредить. Это понятно? – спросил он хриплым голосом, когда его испытующий взгляд изучал мое лицо.

– Я не собираюсь подчиняться твоим приказам. Может, тебе следует задуматься о том, в каком я нахожусь отчаянии, думая об этом. Как сильно я хочу избавиться от предательства, которым ты так изгадил мне жизнь, что я даже готова перерезать себе горло, лишь бы ты больше никогда не смог прикоснуться ко мне, – прорычала я.

Он сердито повернул голову в сторону, и по выражению его лица было понятно, что терпение у него закончилось.

– В конце концов, это бессмысленно. Я могу исцелить любую твою рану, мин астерен, – сказал он, отпустив мои волосы.

Голова у меня склонилась вперед, и лицо приблизилось к его лицу ближе, чем мне хотелось бы.

– Почему ты не отпускаешь меня? Я не хочу тебя. Я не хочу быть твоей парой. Наверняка тебе лучше проводить время с кем-то, кто этого хочет, – запротестовала я, крепко закрывая глаза и отворачиваясь в сторону.

Он перекинул мне волосы через плечо, обнажив шею, и коснулся губами *Виникулума*. Меня захлестнула целая волна ощущений, и тепло его тела заполнило грудь. Опустившись на землю, он встал передо мной на колени и прижался так

сильно, будто между нами не существовало преграды в виде одежды.

– Ты слишком молода, чтобы понять, какие чувства существуют между нами. Сейчас ты воспринимаешь их как должное. Но пройдет время, и ты оценишь меня по достоинству. Твой страх и предубеждения против меня и мне подобных рассеются, и ты будешь признательна и благодарна. Тебе предстоит преодолеть ложь, с которой ты жила всю жизнь, но я буду ждать, на тебя у меня хватит терпения. Я уже ждал несколько веков, чтобы почувствовать нашу любовь. И буду ждать еще сотню, если потребуется.

Он бормотал, его слова скользили у меня по коже, шелковая нежность дыхания омывала мою метку фейри и вызывала невольную дрожь во всем теле. В голове мелькнуло воспоминание – он лежит у меня между ног. Затем пронеслись другие воспоминания и другие образы. Они были искажены, переиначены и показаны с его точки зрения, так что, хотя это были мои воспоминания, они были новыми – совсем другими. Калдрис провел носом по моей шее, глубоко вдохнув, бедра у меня инстинктивно сжались, и я вздрогнула.

– Ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь, кроме секса?

– О, детка, то, что я чувствую, когда нахожусь в тебе, во все не связано с такой обыденной вещью, как секс. То, что я чувствую, это не секс – это чувство единения с тобой, – мы как одно целое. Наши тела двигаются одновременно, навстречу друг другу, и наши души сливаются в одну. Суть на-

шего соития не в том, что я хочу трахнуть тебя, а в том, чтобы быть внутри тебя во всех смыслах. В те моменты, когда ты испытываешь оргазм, ты по-настоящему открываешься мне, делишься со мной своими чувствами, чтобы я тоже мог их испытать, – сказал он, страстно покусывая меня за шею. – Кроме того, тебе это всегда нравилось – слишком сильно для того, кто меня ненавидит, – поддразнил он, продолжая вдыхать меня, проводя зубами по моей коже.

Он слегка отстранился, оторвал кусок ткани от подола плаща и окунул его в холодную воду озера, у которого мы остановились. Я вздрогнула, когда он прикоснулся ледяной тканью к моей коже, нежно стирая пальцами грязь с моего лица. Его взгляд блуждал по мне, а от нежности в его глазах у меня перехватило дыхание.

– Я ненавижу тебя больше, чем ты можешь себе представить, – пробормотала я, борясь с желанием шлепнуть его по руке.

Оно бурлило внутри меня, сражаясь с той моей частью, которая нуждалась в его нежности и утешении. Из-за собственной жестокости я чувствовала себя так, будто меня тащили по камням речного русла, сдирая кожу, обнажая те части тела и души, которые я никому не хотела показывать.

– Что мне сделать, чтобы уменьшить твою ненависть? – спросил он, ополаскивая ткань в воде и прикасаясь к моей шее, покрытой коркой грязи.

Его пальцы мягко двигались, отмывая меня, согревали

ткань, чтобы вода не обжигала меня холодом.

– Отпусти их, – сказала я, прекрасно понимая, что умолять его отпустить меня бессмысленно.

Он уже ясно дал понять, что никогда не согласится с этим желанием, но, может, я смогу договориться о других.

– После того, что они сделали с тобой, ты все равно будешь пытаться освободить их? – спросил он, приподняв бровь, и сунул ткань под вырез моего платья.

Я сглотнула, стряхивая непроизвольную реакцию на его прикосновение.

– Они напуганы. Они видят во мне врага, и я не могу их винить. Будь я на их месте, наверное, сделала бы то же самое...

– Ты бы не стала так поступать, – сказал Калдрис, перебивая меня. – Сколько бы ярости ни было в твоём сердце, ты просто не способна ни на что подобное. Убить ты, конечно, можешь, но только чтобы выжить. Ты можешь ранить или покалечить кого-нибудь, но никогда не станешь никого мучить так бессмысленно. Они сделали это не для собственной защиты, а с единственной целью – унижить тебя, ранить в самое сердце.

Я усмехнулась.

– Думаю, ты просто не знаешь меня так хорошо, как тебе кажется, – сказала я, отворачиваясь от него.

Он протянул руку, мягко взял меня за подбородок и повернул к себе.

– А мне кажется, что ты совсем не знаешь себя.

Он выдержал мой взгляд. В его глазах пылал вызов, когда он провоцировал меня опровергнуть эти слова. А я не могла, просто не видела, как можно опровергнуть то, что он говорил, – ведь это была правда. Моя жизнь больше не была моей. Она стала чужой. Но, что еще хуже, я чувствовала, что не знаю, не понимаю, что за личность скрывается в моем теле.

– Ненавижу тебя, – прошептала я, и слезы вновь обожгли мне глаза и нос.

Его лицо смягчилось еще больше, и на нем отразилась боль и сочувствие, когда он сжал губы и кивнул.

– Знаю, – пробормотал он.

Его сострадательность только еще больше разозлила меня, и в глазах вскипели злые слезы. Оттолкнув его от себя, я уперлась руками ему в грудь, стараясь сдержать слезы.

– *Я ненавижу тебя!* – закричала я, и лицо у меня исказилось от боли.

– Я знаю, детка, знаю, – тихо ответил он.

– А больше тебе нечего сказать?! Перестань вести себя, как будто это ты оказался жертвой в текущей ситуации. Перестань вести себя так, будто я неправа. Потому что я никогда тебя не прощу.

– Что ты хочешь услышать от меня, детка? Хочешь, я скажу тебе, что, по-моему, ты ведешь себя как испорченный вредный ребенок? – спросил он, бросая ткань на камни и глядя на меня сверху вниз. – Что через несколько лет ты по-

жалеешь о словах, сказанных мне в гневе? Эти несколько лет могут показаться тебе вечностью, но для меня они *ничто* – *мгновенье*. Ты одумаешься и научишься ценить то, что я тебе предлагаю. Все, что мне нужно сделать, – это подождать.

Грудь у меня высоко вздымалась, я судорожно дышала, пытаюсь укротить свою ярость. Я ненавидела его за то, что он сказал, потому что знала, что в его словах есть правда. У него было время все обдумать, он прожил такую долгую жизнь, о которой я и мечтать не могла. Ему оставалось только ждать.

Я снова толкнула его в грудь, дернувшись, когда он поймал меня за запястья. Он держал меня неподвижно, глядя сверху вниз, и из его глаз сочилась такая знакомая мне тьма, в которую раньше я смотрела много раз.

– Если ты ненавидишь меня, значит, ненавидишь и себя, детка. Подумай об этом в следующий раз, когда захочешь обвинить меня за то, что между нами существует связь. Ты говоришь, что не выбирала меня, но ведь и я тебя не выбирал. Так в чем моя вина?

Его слова обрушились на меня, резкие, разящие, обидные – именно так вела себя и я, когда злилась.

– Просто я не настолько злобен и мстителен, чтобы пустить тебя в расход из принципа.

– Звучит чертовски романтично, – горько усмехнулась я. – И ты удивляешься, почему люди считают фейри жестокими.

– А тебе хочется сейчас романтики? – спросил он, нежно проведя пальцами по моему запястью.

Отпустив его, он поднял руку к моему горлу, нежно погладил меня, слегка поддразнивая.

– Или чтобы я вел себя как монстр, в которого ты меня уже превратила?

Его ладонь сомкнулась вокруг моего горла, пальцы обхватили шею, когда он наклонился вперед и коснулся своим лбом моего.

Все следы мягкости исчезли, остались только горящие глаза фейри – чудовища, монстра, в которого, я знала, он может легко превратиться.

– Думаю, мы оба знаем ответ на этот вопрос, – ответил он сам себе и потерся своим носом о мой.

– Заткнись! Заткнись уже, наконец! – рявкнула я, оторвав глаза от его напряженного взгляда, и посмотрела на его рот, на греховный изгиб губ, сложенных в четкую линию.

– С удовольствием, – прорычал он.

Он рванулся вперед, сократив расстояние между нами, и впился своим ртом в мой. Это было совсем не похоже на то, как мягко и нежно он соблазнял меня. Не было и намека на осторожность, с которой он обычно прикасался ко мне. Сейчас это был монстр – фейри. Зверь, прикрывшийся его оболочкой, вырвался на свободу, его зубы впились мне в нижнюю губу, и он одним глотком выпил весь воздух из моих легких.

Я открылась навстречу ему, и он тут же ворвался внутрь, прошелся языком по моему языку, наклонил голову и схва-

тил меня в объятия. Я толкнула его в грудь руками, пытаюсь оторваться от него, от его губ, но его вкус поглотил меня, распространившись по всему телу, каким-то животным образом утверждая, что я – его, заставляя и меня хотеть пометить его точно так же.

Он отстранился и посмотрел на меня. Грудь у него вздымалась, щеки покраснелись. Упершись коленями в землю, он неуклюже сдвинулся назад, давая мне дистанцию, которая мне требовалась, чтобы отдышаться.

Я посмотрела на него. Так мы застыли, уставившись друг на друга, через пропасть, зияющую между нами, которая, казалось, с каждым моментом становилась все шире. Его губы растянулись в ухмылке, которая говорила все, о чем я не хотела слышать. Это было снисходительное напоминание, что я добровольно сдаюсь монстру, с которым не хочу иметь ничего общего. Но во тьме внутри меня горели угольки пламени, ожидая удобного момента, чтобы сжечь его мир дотла. Moments, когда я смогу подняться и напомнить миру, почему никогда нельзя недооценивать обиженную женщину.

Мой взгляд упал на его рот, на губы, распухшие от жестокости поцелуя.

– Если хочешь, чтобы я тебя не касался, то настоятельно рекомендую тебе перестать *так* смотреть на меня, звезда моя.

– Да я вообще никак на тебя не смотрю, – сказала я, сглатывая комок в горле.

– Между любовью и ненавистью тонкая грань, детка, а ты смотришь на меня так, будто не можешь решить, поцеловать меня или убить. – Его губы расплылись в пугающе высокомерной улыбке.

– Ты – проклятие моего существования, – сказала я, качая головой с горькой улыбкой, оторвав взгляд от его рта и пытаясь избавиться от желания почувствовать его губы на своих, от желания упасть в его крепкие объятия, закутаться в тепло его тела.

– А ты – все, чего я всегда хотел, и даже больше, – ответил он, и его слова могли бы показаться сладкими, если бы не их горечь.

Лицо у него пылало злобой, будто он винил меня в том, что я не хочу его так, как он хочет меня.

– Продолжай лгать себе, мин астерен. Поверь, я не настолько глуп, чтобы верить лжи, которая льется с твоего языка, противореча тому, как в унисон бьются наши сердца. Я знаю все твои секреты.

Я скривилась, и на короткое мгновение наши взгляды встретились. Легкие у меня сжимались от надрыва, будто я только что пробежала через весь разрушенный город, а тело устало от напряжения, которое удерживало меня на камне. Все это время он просто сверлил меня мучительным взглядом, погружаясь глубоко внутрь, заставляя чувствовать себя неправой на инстинктивном уровне.

Мудак.

Я двинулась раньше, чем мой мозг успел среагировать, прыгнула с камня и шагнула к нему. Он заключил меня в объятия, его руки удобно легли мне на ягодицы, а я обвила свои ноги вокруг его талии. И теперь мой рот накрыл его губы. Теперь я погрузила пальцы в его волосы, пожирая его рот своим. Он шевельнулся, когда я схватила корону у него на голове, сорвала ее с серебряных локонов и отбросила в сторону. Со звоном отскочив от камня, она замерцала в свете заходящего солнца, когда мы на короткое время оторвались друг от друга, чтобы взглянуть на нее.

Калдрис ухмыльнулся, приподнял бровь и посмотрел на меня с игривым вызовом во взгляде.

– Может, мне снова надеть ее? Может, моя половина хочет трахнуть короля?

– Ты не король, – сказала я, яростно расшнуровывая его тунику.

Запутавшись, я разорвала шнурки, опустив руку вниз, туда, где у него в штанах ждала меня та часть его тела, которая была мне нужна.

– *Пока еще нет*, – сказал он.

Слова повисли между нами, но я не придала им значения. Мне не хотелось думать о последствиях этого заявления сейчас, когда я стаскивала с него тунику через голову. Бросив ее на камни, я снова наклонилась к нему и впилась в его рот своим. Мне не хотелось ничего, только бы на время забыть, кто он, позволить себе почувствовать что-нибудь другое, а

не бесконечную мучительную скорбь, грозившую поглотить меня.

Скорбь по Мелиан. Скорбь по мужчине, которого я любила и который никогда не существовал.

Когда он проник языком мне в рот, вырвалось рычание, исходившее из глубины его души. Он уложил меня на землю и накрыл своим телом, так что мой позвоночник вдавился в землю под его весом. Развязав шнурки на моей тунике, он скользнул рукой внутрь, чтобы обхватить мою грудь под тканью.

Я опустила руки к его брюкам, лихорадочно распутывая завязки на ширинке пальцами, которые, казалось, отказывались действовать, потому что его язык снова и снова погружался мне в рот, а может, потому что он сжимал мне сосок, добавляя сладкой боли к нахлынувшим на меня ощущениям.

Расправившись наконец с завязками, я потянулась рукой внутрь и, крепко сжав его член, провела по нему от основания до головки, получив огромное удовлетворение от стона, который раздался в ответ. Он спустил штаны, оголив себе зад, и слегка приподнялся надо мной, чтобы развязать мои.

Он завладел моим ртом и освободил его лишь для того, чтобы покрыть поцелуями шею, грудь, тело, спускаясь все ниже, его лицо скользило по ткани туники у меня на животе, когда он стягивал штаны с моих бедер. Стащив с меня штаны, а вместе с ними и ботинки, он отшвырнул их в сторону

и снова накрыл меня своим телом.

Земля подо мной была промозглой, по коже размазывалась холодная как лед грязь. А его тело было теплым и согревало меня, когда он устроился между моими раздвинутыми бедрами. Улегшись на меня, он снова впился мне в рот губами, а я потянулась, чтобы схватить его за ягодицы. Нас больше не разделяла ткань, и жар его члена был подобен раскаленному клейму, впивающемуся в меня.

Он застонал, отстраняясь от моего рта, чтобы посмотреть мне в лицо, пока я смотрела в узкое пространство между нашими телами. В таком положении все в нем казалось более пугающим: его тело, более крупное и рельефное, целиком накрывало собой мое. Несмотря на прозвище, которым он меня называл, за те недели, что я его знала, я всего лишь несколько раз чувствовала себя маленькой – деткой.

Но теперь, когда я увидела его истинную форму и размеры, смысл этого прозвища стал понятен гораздо лучше. По сравнению с ним любой человек выглядел бы маленьким.

– Скажи лишь слово, и я остановлюсь, – сказал он, хотя его лицо исказила гримаса боли.

Не было никаких сомнений, что такая остановка дорого ему обойдется, и мелочная часть меня хотела заставить его заплатить за это. Но вместо этого я потянулась к нему, взяла его за член и, сжав губы, направила его внутрь себя.

– Я не хочу, чтобы ты притворялся милым прямо сейчас, – сказала я.

Из груди у меня со свистом вырвалось дыхание, когда он усталился вниз, на то место, где его член прижимался к моей киске. Один рывок вперед, и он был бы внутри меня, пронзая заживо той самой частью, которую я должна ненавидеть больше всего на свете.

– Ты – бог. Так давай, трахни меня как бог.

Он зарычал, толкнувшись вперед бедрами, пока в меня не вошла головка. Мое тело изо всех сил пыталось растянуться, чтобы принять его, но сейчас это казалось таким невозможным, хотя я столько раз делала это раньше.

– Богу поклоняются, мин астерен, – сказал он, перекатываясь на спину и удерживая меня на себе.

Взяв меня за бедра, он осторожно потянул их вниз, чтобы поглубже войти, и у меня в горле застрял сдавленный вздох.

– Бог сидит сложа руки, позволяя тем, кто под ним, доставлять удовольствие *ему*. А не наоборот. Ты этого хочешь? Будешь обслуживать меня, пока я не кончу?

У меня из горла вырвался звериный рык, губы скривились от чего-то дикого, что уж точно никогда не было мной. Калдрис ухмыльнулся, ведь это было подтверждением того, что он говорил. Сколько бы я ни пыталась убедить себя, что это ничего не значит, я никогда не хотела быть похожей на женщин, которые были до меня.

Потому что он был моим.

– Ты – моя половина. Пара бога, – сказал он, удерживая меня руками за бедра, чтобы приподнять и снова насадить

на член еще ниже.

А потом еще и еще раз, словно вскрывая меня по чуть-чуть, пока я не опустилась на его бедра, а он не достиг моего дна, заполнив меня до краев.

– А я – тот, кто поклоняется тебе.

Он протянул руку, обхватил меня за шею и притянул к себе, снова захватив мой рот своими губами. Он поднимал бедра в такт движениям, которыми направлял мое тело, снова и снова заполняя меня, доминируя надо мной снизу.

– Боги, – простонала я, обвивая его руками, когда он снова перевернул меня на спину и начал двигаться внутри меня, находясь сверху.

Его бедра будто танцевали, медленно, методично, а член двигался внутри меня, достигая той точки, после касания которой мне хотелось воспарить. Когда он вошел еще глубже, я обвила его ногами, сцепив лодыжки у него на поясице.

– Правильно, звезда моя. Я – твой гребаный бог, – рычал он, и эти слова напомнили мне о словах, которым я не придала значения раньше. – А ты – моя половина, и ты чертовски совершенна.

Он погружался в меня, опустив мне руку на лобок, лаская клитор. Он молчал, но слова, которые он не сказал, мелькнули у меня в голове фантомом воспоминаний, когда он смотрел на меня сверху вниз в другое время, в другом месте. «*А теперь кончи для своего бога*».

Перед моим взором возникло мое собственное изображе-

ние – то, какой он видел меня в тот день, – лицо у меня было искажено всепоглощающим удовольствием. Я кончила, моя киска сжалась, крепко обнимая его член, и у меня в ушах зазвенел звериный стон, когда он последовал за мной, излив в меня свое семя и наполнив теплом.

Голова у меня упала на землю, дыхание стало прерывистым, мыслей не осталось, я даже не могла вспомнить, как меня зовут. У меня было чувство, что я и не хотела вспоминать, потому что, вспомнив, сразу же пожалела обо всем, в чем только что принимала очень охотное участие.

В моей жизни было много падений, но трахаться с врагом... это была новая крайность.

5

Калдрис никак не мог оторваться от меня, время шло, а его тело продолжало давить на мое. Я как будто зависла во времени, витая в облаках в ожидании, когда на нас снова навалится реальность, и изо всех сил пыталась прийти в себя.

Его голова лежала у меня на плече, омывая дыханием чернила моей метки, и ее завитки, словно лианы, казалось, извивались в ответ на его близость.

– Мин астерен, – выдохнул он.

Во мне проснулся инстинкт, желая прогнать его страхи по поводу того, как я отреагирую, но я не смогла.

Я вздрогнула, когда его рот коснулся метки, и губы скользнули по ней в нежной ласке, как будто он знал ее наизусть и боготворил каждую черточку на моей коже.

– Слезь с меня, – сказала я, упираясь руками ему в грудь.

Я провела пальцами по его метке, и у меня в теле возникло знакомое покалывание, предупреждение, пришедшее откуда-то из глубины моей души.

От той части меня, которая хотела, чтобы он был рядом, хотела втянуть саму его сущность в легкие и хранить ее там, но все же я не могла остановить охватившую меня панику.

Что я наделала?

– Не надо корить себя, – тихо сказал он, отстраняясь, чтобы посмотреть на меня сверху вниз.

Он обнял меня рукой за шею, и его взгляд был мягким, нежным, хотя изучавшие меня глаза казались абсолютно незнакомыми, да и лицо я не совсем узнавала.

– Это естественно – искать утешения в объятиях своей половины. Не стоит считать это извращением.

– Это не что иное, как *извращение*, – ответила я, и голос у меня сорвался от всхлипа, зажатого в горле и пытавшегося вырваться. – Оставь меня...

– Ты просто скорбишь, моя звезда. Скорбишь о том, кого потеряла, к кому привыкла и кем восхищалась, о человеке, которым ты меня считала, и о той человеческой жизни, которую мы могли бы прожить. Но ты справишься, сделаешь все возможное, чтобы избавиться от охватившего тебя оцепенения, даже если тебе придется упасть в мои объятия, – сказал он, и эти слова больно ударили меня в грудь.

Они были слишком похожи на правду, слишком похожи на то, что я называла пустотой внутри себя, которая угрожала поглотить меня целиком.

С каждым днем, с каждым новым открытием она превращалась в пропасть, которая все росла и росла и из которой я никогда не выберусь, если упаду в нее. Из пропасти, окруженной тенями, можно увидеть только мерцание звезд в небе.

– Не говори со мной так, будто ты знаешь обо мне хоть что-то, – сказала я, качая головой, пытаясь избавиться от чувства успокоения, исходившего от кого-то, кто понимал,

что творится у меня внутри.

Там и до падения Завесы существовало что-то живое, что наблюдало и ждало, как если бы оно было живым и материальным и знало, что его время наступит уже скоро.

– Мы с тобой одинаковые. Я потратил столетия, изгоняя из себя эту поселившуюся внутри пустоту, прежде чем ты родилась для своей первой жизни. Я пытался найти маленькие утешения везде, где только можно. Не знаю, что это, что живет внутри нас, что толкает нас к этой наполненной пустотой пропасти. Знаю только, что ничего хорошего не выйдет, если мы туда упадем, – сказал он, прикоснувшись своим лбом к моему.

Он говорил все это так нежно, так ласково, что зревший во мне бунт тихо увял и умер, а слезы, сжигавшие мне горло, наконец добрались до глаз, так что мне пришлось крепко зажмуриться.

– Мне нужно, чтобы ты слез с меня, Кэлум, – сказала я, убирая руки с его груди, неловко указывая на наши бедра, где мы все еще были соединены в одно целое, где бог Мертвых все еще был внутри меня.

– Пожалуйста, – прошептала я.

Слово прозвучало тихо, как мольба, как принятие, а мне так не хотелось показывать ему свою слабость. Он был достоин моей ярости, и гнева, и предательства. Но только не моей боли.

Он начал молча отделяться от меня и наконец выскольз-

нул на свободу, а мое тело, казалось, уже оплакивало потерю. И это совершенно не соответствовало облегчению, которое я почувствовала головой. Паника, метавшаяся где-то по краям моего сознания, постепенно исчезала, пока он поднимался, чтобы встать у меня между ног. Я услышала шорох его шагов по усыпанной щебнем улице – он уходил, оставив меня одну. Я медленно открыла глаза, села, скрестив руки на груди, и вдруг ощутила внезапный холод в теле. Обняв себя за колени, я попыталась успокоить испуганно бившееся сердце и выровнять дыхание.

Подстилка феяри.

Слова звенели у меня в ушах. Я понимала, что раньше могла сказать, что ничего не знала о нем, когда позволяла прикасаться ко мне. Но *на этот раз* я точно знала, что делаю.

На мгновение я прижалась щекой к коленям, глядя в сторону, противоположную той, где стоял Кэлум. Слишком хорошо я осознавала его присутствие рядом с собой, мое тело чувствовало его близость, даже если я не слышала его тихих шагов, когда он двигался. Звук рвущейся ткани наконец заставил меня посмотреть на него, я повернула голову в его сторону, прижавшись к коленям другой мокрой щекой.

В руке у него был кусок ткани, оторванный от края рубашки. Он снова бросил его на землю рядом с собой в кучу собранной одежды и протянул мне руку, чтобы помочь подняться, приподняв бровь, как будто это был такой же невин-

ный жест, как и любой другой. Но все, что он делал, отнюдь не было безобидным – все служило некой цели.

А я не хотела иметь ничего общего с этим.

Я попыталась подняться на ноги, опираясь обеими руками о землю. Наконец, мне это удалось, хотя ноги едва держали, до костей пронизанные исходившей изнутри усталостью. Слегка покачнувшись, я все же заставила себя выпрямиться перед богом Мертвых с высоко поднятой головой. Стряхнув с себя образ уязвимой девчушки, которая пыталась сжаться в комок от стыда за то, что сделала, я посмотрела в темные глаза монстра.

– Вот, моя звезда, – сказал он, складывая в руках кусок ткани.

Положив его на раскрытую ладонь, он потянулся вперед, выдерживая мой взгляд в молчаливом вызове. Просунув руку мне между бедер, он стер следы своего удовольствия с моей кожи. Ни разу не взглянув ни на то, что делал, ни туда, где прикасался ко мне. Лишь изогнул бровь, когда я сдержала дрожь чувственности, пока он нежно касался меня между ног.

– Смотри, как ярко ты вспыхиваешь, когда погружаешься во всю эту ненависть в своем сердце. Подумай, на что ты будешь способна, если не будешь тратить свою силу впустую на единственного человека в этом мире, который любит тебя больше всего на свете.

Он бросил ткань на землю, поправил штаны, завязал их

и продолжил одеваться. А я стояла перед ним голая, на мгновение взглянув на свою одежду, а затем снова перевела взгляд на него.

– Я никогда не смогу забыть человека, которым тебя считала, не смогу забыть, как сильно я любила его. Но остаток своей жизни я проведу, стараясь забыть о твоём существовании.

Он поморщился, когда я присела на корточки, чтобы схватить свои брюки, вывернув их лицевой стороной наружу и сунув ноги в штанины. Подтягивая их вверх, пока они не сели на бедра как положено, я изо всех сил старалась не обращать внимания на вспышку боли, которая импульсом передалась от него ко мне. Чувства его были приглушены, как будто это были мои собственные вернувшиеся эмоции – более слабые, но все же узнаваемые.

– Не делай из меня своего личного злодея, – сказал он, глядя на меня.

Его рубашка все еще лежала на земле рядом с ним, и золотистая кожа блестела в лучах скрывающегося за горизонтом солнца. В сумерках на вечернем небе появилась луна, танцующая с солнцем под звуки краткой серенады, прежде чем оно скроется на ночь.

– Ты сам все это сделал, *Калдрис*, – произнесла я.

Это имя, произнесенное мной, казалось неправильным во всех смыслах. Он поморщился, словно соглашаясь с этим, хотя это было его настоящее имя.

Он вздохнул, нагнулся и сердито подхватил свою рубашку с земли, а я уселась перед ним, чтобы натянуть носки и ботинки. Надев рубашку через голову, он сунул руки в рукава, пока его волосы развевались на легком ветру.

– Однажды ты поймешь, что ничего не знаешь об этом мире, детка. Если бы тебе так не повезло и твоей *половиной* оказался бы кто-то похуже, менее терпеливый мужчина низшего вида, ты бы уже сгнила в страданиях, которые создала бы из-за собственного невежества.

– Но можно угадаю? Ты никогда не отпустишь меня, – сказала я, вставая на ноги и выпрямляясь перед ним. – Наверяд ли бы мне стало от этого хуже. Похоже, ты просто еще более эгоистичен.

Он изучающе уставился на меня, и черты его лица исказились, а верхняя губа дернулась, будто у него возникла животная потребность зарычать, угрожая нарушить его самообладание.

– Эгоистичен? Защищая тебя от твоего же безрассудства? Как же быстро ты осудила меня за то, что еще даже не начала понимать? Однажды я сказал тебе, что, если ты попросишь меня сжечь мир, я сделаю это. Как думаешь, что я сделаю, если потеряю тебя? Как думаешь, для чего предназначена связь между половинами? Эту связь создали ведьмы, чтобы наладить баланс в мире – между фейри и людьми – так, чтобы все работало как должно. Пару выбирают, чтобы уравновесить мир и нас. Мое равновесие – это *ты*. Все, что есть во

мне хорошего, исходит от тебя. Если я потеряю тебя, ты и сама сможешь сжечь мир дотла, – сказал он, подходя ближе, пока не склонился надо мной.

Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом, хотя этого совсем не хотелось.

– Так скажи мне еще раз, детка, я – эгоист?

Он уставился на меня, его глаза вспыхнули, когда внутри меня вскипел гнев в унисон с его разочарованием, которое исходило волнами, наполняя воздух тошнотворным запахом смерти. Я взглянула на могилу Мелиан, и при воспоминании о ней в грудь меня ударило что-то чуждое, пронзая и угрожая сбить с ног.

– Не надо возлагать на меня эту ответственность, – сказала я, в ужасе глядя на него.

Он не мог заставить меня возложить себе на плечи судьбу мира. Ведь, отвергая его, я бы отвергла и мир и обрекла его на участь худшую, чем смерть. Он поднял руки, указывая на город вокруг нас, на развалины и остовы зданий на улицах, которые, вероятно, блистали великолепием во времена своего расцвета.

– Я разрушил этот город, чтобы отомстить за то, что они сделали со мной. За то, как они предали меня. Хочешь, чтобы и мир выглядел так? Такую надежду ты хочешь дать своему дому и людям, которых, как ты утверждаешь, любишь и хочешь защитить? – спросил он, усмехаясь, потому что уже знал ответ.

Он знал, я сделаю все необходимое для общего блага, потому что меня тревожило то, на что ему было плевать.

– Конечно нет, – сказала я, отчаянно замотав головой в отрицании.

Калфолс лишили жизни. Этот город являл собой смерть, распад и разрушение. В нем не осталось и следа человечества – только те, кто был отмечен фейри, скрывались среди руин, отчаянно нуждаясь в защите от них, прячась там, где не было ни еды, ни воды, в которой бы не плавал пепел погибшего города. Вообще ничего не было.

– Ты не можешь прикрываться миром и этим извращенным чувством высшего блага, чтобы заставить меня быть с тобой. Чтобы заставить меня любить тебя. Так это не работает, Кэлум, – сказала я сдавленным голосом.

Он подошел ближе, коснувшись рукой моей щеки и нежно погладив ее, что полностью противоречило напряжению, пульсирующему у него в теле. Чувствовалось, что он был в шаге от того, чтобы взорваться в неистовой ярости.

Как будто через секунду был готов погрузиться в безумие.

– Я пытаюсь добиться совсем другого, – сказал он, тяжело вздохнув.

Он провел большим пальцем по моей щеке и скуле, и выражение лица у него смягчилось.

– Я прожил века, – произнес он, более внимательно обдумывая слова. – Я видел, что этот мир делает с хорошим – с прекрасным. Я жил, не чувствуя доброты, и был предан

людьми, которым должен был доверять. Этот мир уродлив и полон жестокости. – Он помолчал и грустно улыбнулся мне. – А потом появилась ты.

Что-то в выражении его лица заставило сердце затрепетать в груди, угрожая расколоть меня пополам от горько-сладкой боли.

– Твоя сущность перетекает ко мне по связи между нами – твой свет и добро попадают в меня, окрашиваясь моей тьмой. Но в глубине твоей души бьет источник красоты. Ты не любишь легко, но любишь крепко. И я провел века, чувствуя, как ты влюбляешься в мужчин, которые тебя не заслуживают. Чувствуя, как трепещет твое сердце из-за мужчин, которые никогда не смогли бы дать тебе то, чего жаждала твоя душа. Зная это, я застрял в ловушке с другой стороны Завесы в ожидании тебя. Я ждал. Просто ждал. Веками. Чтобы получить шанс удержать тебя.

– Кэлум, – запротестовала я, замотав головой.

Я попыталась вырваться из его хватки, но он крепко держал меня, глядя сверху вниз, как будто ему было необходимо, чтобы я услышала слова, слышать которые не хотела.

– А затем Завеса рухнула, и я встретил тебя, и ты была всем, о чем я когда-либо мечтал, и даже больше. Я чувствовал, что ты снова влюбляешься, но на этот раз в меня. В твоих глазах я вижу, что больше всего на свете ты хочешь вернуть это, но не можешь. Потому что ты и я – мы оба знаем, что ты чувствовала. Мы оба знаем, что ты любила меня всем

сердцем. Больше, чем ты когда-либо любила своих мужей во всех прошлых жизнях. Ты все еще любишь, и ты не можешь отказаться от этого, потому что ты рождена, чтобы любить меня, заслуживаю я этого или нет.

Несколько мгновений я изучала его, стараясь не думать о том, как бы я себя чувствовала, если бы наши роли поменялись. Мне не хотелось даже думать, что он может развлекаться с другой женщиной. Одна только мысль об этом вызвала во мне огромную невообразимую ярость. Как он вынес все это? Чувствуя, понимая, что это была любовь, снова и снова на протяжении веков. Я бы, наверное, так не смогла. Но я не хотела ни сочувствовать, ни сопереживать ему из-за ситуации, в которую он попал в результате злых игр судьбы от рук ведьм.

Я просто хотела быть свободной, быть собой. Просто хотела не любить его.

Но он был прав. Что-то во мне не отпускало Кэлума. Что-то никак не могло отделить человеческого мужчину от самца фейри. Я знала, что это одна и та же личность. На первый взгляд это казалось подтасовкой, но я же видела, как в оболочке Кэлума иногда мелькал Калдрис. Это можно было определить по тому, как он защищал меня от всего. Как он хотел обладать мной – и телом, и душой. И как он оставил Дженсена умирать только потому, что тот оскорбил меня в библиотеке.

Я не знала, что ему сказать. Соглашаться с тем, что он го-

ворил, я не хотела и не хотела доставлять ему удовольствие, признаваясь в любви. Он этого не заслужил. Он потерял право услышать эти слова от меня. Независимо от того, могла ли я контролировать то, что чувствую, я пока еще могла контролировать то, что говорю.

Он со стоном вздохнул, уронив голову на грудь. Наш зрительный контакт прервался... сильно ранив его, и я ненавидела себя за это. Ненавидела то чувство, будто я предала его, не подарив ему уверенность, в которой он нуждался после того, как я поддалась искушению почувствовать его кожу на своей, хотя это было последнее, чего я должна была хотеть.

Я ненавидела себя и то, какой я стала.

– Я ни за что не потеряю тебя снова, – сказал он, поднимая голову, пока его глаза снова не встретились с моими. – Я пойду за тобой, потому что, если ты уйдешь, я превращусь в разбитую оболочку, от которой будет больше вреда, чем пользы. Все, чего я хочу, – это быть с тобой. Скажи мне, как это сделать, Эстрелла.

Я прищурилась, пытаюсь найти решение. Нам некуда было идти. Куда бы мы ни пошли, мы бы везде представляли опасность для тех, кто нас окружает. Мы не могли отправиться в мир фейри, не опасаясь того, о чем предупреждал меня Бранн, но и в человеческом мире мы тоже никак не могли остаться – теперь люди знали, кто он такой. Мы не могли вернуться в туннели, ведь Мелиан и остальные члены нашего отряда погибли, и мы не смогли бы объяснить, как нам

удалось бежать от Стражи Тумана. Слишком много совпадений, и слишком мало времени.

– Не знаю, – сказала я вместо ответа.

Он кивнул, как будто именно этого и ожидал, изучая мое лицо. Целомудренно поцеловав меня в лоб, он наконец отступил и взял мою руку в свою.

– Тебе нужно отдохнуть. Я чувствую, как ты устала.

Он повел меня туда, где ждали другие меченые, о которых мы почти не вспоминали, и во мне тут же возникло чувство вины. Мне не следовало переживать из-за них. Ведь им было на меня плевать.

– Мы останемся здесь? – спросила я, глядя на темнеющее небо.

– На ночь. Дикая Охота будет здесь к утру.

Мы завернули за угол улицы, и в поле зрения появились меченые под охраной скелетов. Они сбились в кучу, лицом к охраняющим их живым мертвецам, прижавшись друг к другу спинами; пройдет много времени, прежде чем кто-либо из них забудется сном.

Калдрис подобрал брошенный мной плащ и повел меня к грязной поляне на противоположной стороне улицы. Он сел сам и притянул меня к себе, усадив между своими коленями, пока я не прижалась к нему спиной. И немедленно почувствовала на себе взгляды других меченых, которые, несомненно, считали, что мы обнимаемся. Что ж, именно так оно и было.

Я долго возилась, поудобнее устраиваясь на его широкой груди. Он накинул на нас плащ, и мы оказались как будто в коконе, где он согревал меня своим теплом.

– Я не хочу спать здесь сегодня ночью, – сказала я.

Этот город был полон призраков и вызывал холод внутри меня, несмотря на тепло его тела.

– Я тоже, детка, – сказал он, и звуки его голоса гулко зазвучали в его груди у меня за спиной. – Надеюсь, тебе никогда не придется испытать ту боль, которую испытал здесь я. Мы уйдем с первыми лучами солнца, но сегодня ночью не броди с духами, которые попытаются соблазнить тебя.

– Духи? – спросила я, оглядывая темнеющую улицу.

Вокруг не было ничего необычного, никаких признаков чего-либо или кого-либо – лишь мы и меченые.

– Да, духи или чьи-то души. Они могут быть довольно мстительными, и у них есть веская причина меня ненавидеть, – ответил он, обнимая меня.

Он крепче прижал меня к себе, и, несмотря на независимость, которой я жаждала и которая шептала мне оттолкнуть его, я и сама прижалась еще крепче.

Как можно бороться с мстительными духами-душами, которых я даже не вижу?

6

Я еще крепче прижалась щекой к его теплой груди, чувствуя мягкое покалывание на коже от пальцев, пробежавших по моим волосам. Оно и вырвало меня из глубин сна, но до конца не разбудило. Зависнув между сном и бодрствованием, я попыталась уклониться от прикосновений, но просыпаться не хотела. Не хотела возвращаться в реальность, которая преследовала меня зудящим беспокойством где-то на краю моего сознания, угрожая разрушить покой, который я обрела в царстве снов.

– Рассветает, детка, и звездам на небе пора отдыхать, а значит, должна взойти звезда, которую я держу в своих руках, – прошептал Кэлум, и его голос эхом отдавался в самых дальних уголках моей души.

Я узнала бы его где угодно, даже сейчас, когда он был окрашен немного *другим* баритональным тембром, незнакомо звучащим в голосе человека, которого я знала.

– Не хочу просыпаться, – проворчала я, зарываясь лицом в ткань его рубашки.

Я почувствовала, что ткань стала грубее, чем была вечером, и, приоткрыв один глаз, быстро огляделась. Да, он действительно переместил меня, пока я спала. Теперь моя голова покоилась у него на коленях, а тело лежало на боку, свернувшись калачиком.

– Наверное, тебе снилось что-то приятное, раз тебе не хочется просыпаться. Может, тебе следует превратить свои сны в реальность. Ты держишь эту силу в своих руках, – сказал он с насмешкой в голосе.

Я снова быстро закрыла глаза. Он потянулся вперед, слегка толкнув меня, взял мою руку в свою и прочертил пальцем круг на тыльной стороне. По телу у меня прошла дрожь, когда его прикосновение пробудило то темное таинственное существо, что скрывалось внутри меня.

– С богом Мертвых, из которого ты вьешь веревки, ты сумеешь превратить мир во что угодно.

Казалось, он ухватился за кончик нити судьбы и теперь тянул за него, чтобы напомнить мне о реальных узах между нами.

Наконец, я открыла глаза и увидела мерцающее золотом восходящее солнце, стараясь не обращать внимания на тяжесть, которую чувствовала на щеке от его взгляда, уставившегося на меня сверху вниз.

– Я не хочу ничего делать с этим миром. Никто не должен владеть такой силой.

– Те, кто этого не хочет, – единственные, кто должен владеть ею в первую очередь, – сказал он, и в его голосе зазвучала печаль.

Я наклонила голову, повернувшись, чтобы посмотреть на так внезапно поглотившее его уныние.

– К сожалению, так бывает нечасто, по крайней мере, ис-

ходя из моего опыта. Даже если у тех, кто правит, нет дурных намерений, обладание подобной силой способно развратить даже самый добрый ум.

– Есть ли у меня причина бояться Маб? – продолжила я, сглотнув подступившую к горлу желчь при этой мысли. – Это из-за нее ты хочешь оставить меня со своей матерью во дворе Зимы, а не брать с собой во двор Теней?

Кто-то или *что-то* много раз ранило этого фейри так сильно, что он до сих пор носит шрамы от этих ударов. Я сама едва выдерживала удары тростью, которыми награждала меня жрица.

– У тебя есть все основания бояться Маб, – сказал он, согласенно кивая. – Она знает лучше, чем кто-либо другой, какую силу я получу, если закольцую связь с моей половиной. Она сделает все, чтобы этого не произошло, даже если это вступит в противоречие с Соглашением, которое защищает людей, являющихся парами фейри, от вреда в играх, которые ведут их половины. Она бы убила тебя, если бы не знала, что ввергнет меня в последнюю стадию безумия. Для ее дел я должен быть в полном уме и здравии и должен быть готов к сотрудничеству. Поэтому она оставила бы тебя в живых, но, возможно, заперла бы в своей темнице. Она знает, что я сделаю все, чтобы защитить тебя.

Я заставила себя сесть, отодвигаясь от жара его тела, хотя мне хотелось остаться рядом с ним навсегда, позволить ему обнять меня и развеять ту реальность, что мы сотворили. То,

кем мы стали, и все то, что нас ждет, если мы когда-нибудь достигнем берегов Альвхейма.

Он сидел на земле в том же месте, где я его оставила. Одежда у него не выглядела мятой, будто он так и не прилег отдохнуть, не позволяя себе спать. Если бы он был человеком, то, наверное, у него под глазами появились бы черные круги или еще какие-нибудь признаки усталости после бессонной ночи, которую он провел, охраняя мой сон. Как работают скелеты или живые трупы, я не знала. Продолжали ли они выполнять его приказы, пока он спал, или переставали им подчиняться, как только он закрывал глаза и уплывал в другое царство?

– И ты думаешь, что твоя мать сможет меня защитить? – спросила я.

Мне не хотелось произносить вслух ту мысль, которая поселилась у меня в голове. Мне не хотелось говорить обидные вещи, но... она ведь не смогла защитить даже собственного ребенка. Она позволила, чтобы его украли из колыбели, когда он был всего лишь младенцем. Если то, что он рассказывал мне, будучи Кэлумом, все же правда, то он продолжал жить со своим отцом и мачехой, никогда не встречаясь со своей биологической матерью. И каким образом королева Зимы сможет защитить меня? И зачем ей защищать меня? Для нее я была никем – пустым местом, ведь даже ее собственный сын так мало для нее значил.

– Она не повторит ошибки, которую совершила в про-

шлом, и она лучше, чем кто-либо другой, понимает, насколько важно жить со своей половиной. Маб ей этого не позволила, нарушив Соглашение, захватив ее половину, связав его узами политического брака с ней. Но они бросили ей вызов и встретились на одну ночь, чтобы сотворить меня. И тогда она заточила моего отца в пещерах Тар-Меса, а потом убила его, – объяснил он, положив мне руку на поясницу.

Мне было невыносимо смотреть на него, думать о жизни, которую он, должно быть, прожил под контролем женщины, убившей его отца.

– Она уже давно обнаружила, что обладание наследником своих соперников является гораздо более убедительным мотивом. Отец стал ей не нужен, потому что у нее появился я. Моя мать не позволит мне страдать так, как страдала всю жизнь она, зная, что моя половина в руках у Маб.

Я кивнула, хотя даже представить себе не могла, что это за пытка – знать, что тот, кто мне дорог, в руках моего врага. Маб пока не была мне врагом, но то, что я слышала о ней, говорило, что она им станет, если узнает о моем существовании.

Я взглянула на других меченых. Они уже начали пробуждаться, оглядывая широко распахнутыми глазами окраины города. На другой стороне улицы одна из боковых дорог уходила в пещеру. Казалось, что в дыре, ведущей глубоко под землю, исчезало все живое, как будто оттуда, из глубин отчаяния, выползло что-то огромное, поглощая все вокруг себя.

– В этом месте Калфолс хоронил мертвых, когда город процветал, – объяснил Калдрис, перекидывая мне волосы через плечо.

Он аккуратно распутывал узелки волос с такой нежностью, от которой меня пробирал холодок.

– Вот, значит, где их похоронили, когда ты поднял на ноги мертвых и поставил Калфолс на колени, – сказала я, мысленно отмечая, что надо будет подойти поближе, если у меня когда-нибудь будет возможность передвигаться по своему желанию.

Меня переполнила внезапная потребность понять, насколько глубока яма, как глубоко в земле зарыты мертвые и насколько мощной была сила, чтобы столь многие *поднялись*.

На той же стороне улицы возник размытый образ женщины. Ее фигура выглядела лишь струйкой воздуха на ветру, а платье развевалось, переливаясь оттенками белого и серого. Она была более прозрачной, чем всадники Дикой Охоты, и сквозь нее были видны деревья. Я повернулась к Кэлуму, вцепившись в его руку своими изломанными ногтями.

– Это дух? – спросила я, тяжело сглотнув, пытаясь сопротивляться желанию еще сильнее прижаться к его телу и найти в нем утешение.

– Дикая Охота идет, – сказал он, кивая головой, как будто это что-то объясняло. – Непокорные духи тянутся к предводителю Охоты и следуют за ним по земле, пока не найдут

собственную версию мира.

Он наклонил голову назад, к уходившей в глубь земли пещере, откуда поднимались призраки мужчин, и женщин, и – *детей*. Они парили в воздухе, не касаясь земли ногами, хотя двигались точно так же, как и живые. Женщина приблизилась первой, встала на перекрестке и замерла. На короткое мгновение она остановила взгляд на нас, черные пятна ее глаз контрастировали с призрачной бледностью лица. В груди у нее была дыра, темная пропасть, которая, должно быть, и была той раной, что убила ее.

В отличие от нее у некоторых других призраков не было никаких повреждений, их прозрачные тела были практически целыми, наверное, их смерть не была сопряжена с полученными ранами. Но те, кто умер насильственной смертью, несли признаки этого на своих душах.

– Я думала, что смерть стирает все с грифельной доски жизни. Дает нам возможность начать с чистого листа, – сказала я, вспомнив обещания, которые давал мне Верховный жрец.

Я хотела забвения, которое пришло бы вместе со смертью, прекращения всех страданий, которые я перенесла в этой жизни.

– Так и происходит, как только мы находим путь в Пустоту. А до тех пор мы блуждаем с воспоминаниями о том, кем мы когда-то были. Вот почему быстрый переход через реку Стикс – это доброта, детка. Ничего хорошего не выйдет, ес-

ли мы будем долго вариться в собственных сожалениях, — ответил Калдрис.

Дух женщины наконец отвел свой взгляд, оглянувшись через плечо на пропасть, когда над гребнем утеса появился первый всадник Дикой Охоты. Тот самый мужчина, который едва не увидел меня той ночью в лесу, тот самый, что сражался с Кэлумом на утесе после того, как другой всадник прикончил моего брата.

Он ехал с высоко поднятой головой, пока скелет его лошади выруливал на улицу, стуча копытами по камням. За ним последовала группа других всадников, их ряды расходились веером за ним и духами, которые прокладывали путь. Взгляд предводителя остановился на Калдрисе, который поднял меня на ноги. Я стояла прямо, а все остальные меченые сбились в кучу. Несмотря на страх на их лицах, в них не было даже проблеска силы. *Виникулум* у них на шеях так и не ожил. Наверное, ему не нужно было защищать их от того, что считал бы опасным любой нормальный человек. Для меченых Дикая Охота никогда не представляла опасности. Наоборот: единственной задачей было найти их и доставить в Альвхейм.

Калдрис шагнул ко мне, обмениваясь долгим взглядом с предводителем Дикой Охоты. Из пустых могил на вершину холма поднялись остальные призраки. Их было около двадцати, и все они стояли в том порядке, в каком я увидела бы стаю гусей, улетающих в теплые края на зиму.

Лошадь предводителя сделала первый шаг. Ее костяное

копыто звякнуло о камень, и стук эхом разнесся по дороге. Никогда мне не забыть жуткое зрелище, которое я тогда увидела впервые: серо-голубые отметины на его лице были заметны даже на расстоянии. Все всадники Дикой Охоты были отмечены такими льдисто-голубыми линиями.

Некоторые лошади шагали вперед, неся на спинах всадников, а некоторые тащили за собой телеги. С крутого уклона дороги одна за другой прыгивали гончие Дикой Охоты, чтобы последовать за всадниками. Их было с дюжину, и все они выглядели ужасно, с ядовитыми тенями, которые, как нити слюны, стекали у них из пасти. Клыки толщиной с мое запястье блестели в свете восходящего солнца, торча из челюстей, с которых свешивались остатки сгнившей шкуры.

Я сглотнула, представив, каково это – стать их добычей и видеть, как эти клыки пронзают твою кожу, впиваются в плоть, пока наконец не наступит момент смерти.

За ними следовали три белых волка с малиновыми кончиками ушей. Уголки губ Калдриса приподнялись в улыбке, и я с болью вспомнила того игривого мужчину, которого знала раньше. Три зверя вырвались вперед, промчавшись мимо всадников Дикой Охоты. Я содрогнулась, увидев их оскаленные пасти и рычащие морды, и впиалась ногтями в рукав Калдриса.

– Кэлум, – пробормотала я, понимая, что звери не собираются останавливаться.

Казалось, что они становились все больше с каждым

прыжком, приближавшим их к нам, пока не стали размером выше моей талии.

Улыбка сползла с лица Калдриса, на мгновение мелькнуло раздражение, а потом он сжал челюсти.

– Черт, – проворчал он, вырывая свою руку из моей.

Первый из волков прыгнул и в следующий момент ударил его лапами в грудь, отбросив на шаг назад, когда он поймал огромное существо в свои объятия. Задними лапами животное упиралось в землю, а передние положило на плечи Калдрису. Так они и стояли, почти одинаковые по росту, глядя друг на друга.

– А-а-а, не делай этого, черт...

Волк радостно твякнул и облизал Калдрису лицо, и я судорожно выдохнула.

Подбежал второй волк, прыгнув на спину первому, отталкивая его от Калдриса. Первый тут же опустился на все четыре лапы, радостно прыгая вместе со своим собратом. Они тыкали Калдриса носами, покусывая за руки, когда он пытался оттолкнуть их.

Я так увлеклась наблюдением за их общением, что не заметила третьего волка, приближавшегося ко мне. Он налетел на меня всем телом, сильно ударив в грудь и сбив с ног. С глухим стуком я грохнулась на землю, больно ударившись спиной так, что у меня перехватило дыхание.

– Фенрир! – закричал Калдрис, но огромное существо удерживало меня между лап как в ловушке.

Он прижал меня своим телом и полз вперед, пока не добрался мордой до лица, внимательно уставившись на меня. Моя голова оказалась у него между лап, а его голова по-звериному склонилась набок, как у бога Мертвых, и мне стало почти больно от его взгляда.

Я тяжело сглотнула, стараясь успокоиться, и взглянула прямо ему в глаза. Казалось, он изучал меня, обнаруживая недостатки, выискивая слабости, которые, как я знала, скрывались прямо у меня под кожей. Вцепившись руками в землю, я приподнялась, чтобы приблизиться к морде волка, к его зубам, которые он скалил на меня, когда я пыталась пошевелиться.

– Мне не хочется делать тебе больно, – сказала я, глядя в его гранатовые глаза. – Но это не значит, что не сделаю, если ты не слезешь с меня сейчас же.

Он вздохнул, и его красноватые глаза на мгновение замерцали. Потом нос у него дернулся, будто волк наконец почуял мой запах. Он наклонил морду к моей шее, я схватила горсть земли и приготовилась к бою, в котором у меня не было шансов выжить. Его влажный нос коснулся моей шеи и двинулся к завиткам моей метки фейри, заставив меня вздрогнуть.

И как только я подумала, что сейчас он перекусит мне горло, волк лизнул меня, оставив влажную дорожку на плече, шее и щеке. Выражение морды у него было не таким восторженным, как у его собратьев, когда они радовались встрече с Калдрисом, но когда он все-таки выпустил меня из ловушки

своих лап, в его взгляде отразилось невольное принятие.

Калдрис поднялся, глядя на волка, который сбил меня с ног. Два других сидели рядом с ним, наострив уши, и смотрели, как поднимаюсь и я.

– Вы не должны *нападать* на мою половину, – сказал он, когда Фенрир приблизился к нему. – Вы должны ее защищать.

Фенрир был самым крупным из троих, и его голова доставала почти до груди Калдриса.

Два других волка встали, подошли ко мне и обнюхали мои руки, которые я держала совершенно неподвижно, крепко прижав к бокам. Пальцы у меня дернулись, несмотря на самые лучшие намерения, когда один из них прижался мокрым носом к моей коже, подсовывая голову под руку. Я почесала ему макушку, наблюдая, как удовлетворенно он вертит шейей, как любая из бродячих собак, которых я видела в Мистфеле.

– Они были совершенно невыносимы, – сказал предводитель Дикой Охоты, подъехав поближе на своей костяной лошади.

Он остановился прямо передо мной, но не сводил глаз с Калдриса, стоящего рядом.

– Даже и не думай оставлять их у меня в следующий раз, – предупредил он, спешившись с грацией, противоречащей логике.

Там, где все прочие духи парили, неуклюже двигаясь,

и казались потерянными, этот мужчина выглядел во всех смыслах человеком.

За исключением того, что он им не был.

Его уши были слегка заострены на кончиках, скрытые темной тенью волосы убраны с лица, падая на отороченный мехом капюшон плаща. Его белые глаза выглядели жутко, когда он перевел их с Калдриса на меня и пригвоздил взглядом, которым смотрел на меня в тот день в лесу.

В голове у меня крутилось множество вопросов и мыслей и о той ночи, и о следующей, когда они с Калдрисом сражались на утесе.

Отороченный мехом плащ предводителя был распахнут, на груди скрещивались кожаные лямки, соединяя его полы. Больше под плащом ничего не было – только голая кожа, несмотря на холодную погоду. А на коже закручивалась бледно-голубыми завитками метка, спускаясь на грудь и ниже, до самого живота.

Кэлум рыкнул у меня за спиной, и низкий рокот этого звука заставил меня вздрогнуть. Я резко развернулась и уставилась на него широко раскрытыми глазами.

– Посмотри на него еще немного, звезда моя. Давай, попробуй.

Мне захотелось подальше спрятать свое любопытство, и щеки вспыхнули от смущения. Предводитель Дикой Охоты усмехнулся, его пухлые губы скривились, пока он с высокомерием смотрел на меня.

– Я не собираюсь жаловаться, бестия, – сказал он, и при упоминании этого имени мои вены заледенели. – Все, что раздражает, идет мне бонусом.

Я взглянула ему за спину, скользнув глазами по перьям, вплетенным в пряди его черных волос. Призрачные, почти прозрачные всадники Дикой Охоты сидели верхом на лошадях с совершенно ничего не выражающими лицами. Я внимательно рассматривала их, пока мой взгляд не остановился на том, кого я никогда не смогу вычеркнуть из своих кошмаров. Его лицо врезалось мне в память: угловатое, с невероятно высокими скулами.

Губы у него были тонкими, нос с ярко выраженной горбинкой. Темные волосы были длинными и свободно ниспадали на плечи, за исключением тех прядей, которые он убрал с лица и приколот к затылку двумя костями. Взгляд его серых глаз встретился с моим. И этот взгляд говорил, что я недостойна даже того, чтобы посмотреть на меня. Ноздри у него раздулись, и на мгновение на лице мелькнуло раздражение. Но быстро исчезло, и он тут же забыл про меня, считая чем-то неважным, на что не стоит тратить время.

Он убил моего брата, забрал у меня последнего члена семьи – просто так, безо всякой причины, кроме собственного злобного крестового похода против людей.

Я бросилась вперед, шагнув в брешь между волками, которые были полны решимости обнюхать каждую часть моего тела. Пробегая мимо предводителя Дикой Охоты, я тря-

сущимися пальцами схватила кинжал, висевший у него на поясе, вытащила клинок из ножен и помчалась к мужчине, который заслуживал смерти больше, чем кто-либо другой.

Если бы у меня была возможность действовать по-своему, то они все встретили бы свою судьбу. Но у меня был долг перед одним, и этот долг можно было заплатить только кровью.

– Эстрелла, нет! – закричал Калдрис, и что-то в его голосе проникло внутрь меня.

Это напомнило мне о тех временах, когда я бежала от угрожающей нам опасности, когда поклялась всегда быть на его стороне. Только для того, чтобы в конце концов сделать обратное. Я отмахнулась, покачав головой, когда добралась до скелета лошади всадника, которого хотела убить. Его косяной скакун отпрянул, когда я схватилась за свисавший сбоку плащ и, приложив всю силу, сдернула его вниз и повалила на землю. Он упал на бок, рухнув на землю сердитой кучей, но быстро вскочил на ноги.

– Чувствую, я с тобой намучаюсь, заноза в заднице, – сказал он, стряхивая пыль со своей одежды. – Из всех клинков ты схватилась за *Дайнслейф*? Глупица.

Я рванулась к нему, намереваясь пронзить кинжалом, но лишилась решимости, когда он внезапно отпрянул в удивлении. Я не поняла, почему он удивился, когда я бросилась на него, желая выпотрошить. Когда мы виделись в последний раз, я ударила его клинком, который принадлежал ему.

– Не понимаю, о чем ты, и мне, собственно, по хрену, –

сказала я, вращая рукой с кинжалом.

– Тогда, может, тебе не стоит играть с игрушками, о которых ты ничего не знаешь, – сказал предводитель Дикой Охоты у меня за спиной. – *Дайнслейф* выковали гномы и прокляли его. Каждый раз, когда его используют в бою, он требует заплатить жизнью. Как только его вынимают из ножен, он требует оплаты долга жизнью.

– Меня это вполне устраивает, – пожала плечами я. – Я не собираюсь отпускать мужчину, убившего моего брата.

Предводитель изогнул бровь и перевел свой любопытный взгляд туда, где стоял Калдрис, наблюдая за происходящим.

– Эта твоя половина вполне тебе подходит. Она такая злобная.

– Это же здорово, – согласился Калдрис, поглаживая руками по костям, которые представляли собой морду лошади.

Я не стала думать о последствиях того, что бог Мертвых, по всей видимости, считал привлекательным, или о том, что я, очевидно, поэтому ему и подходила.

Снова обратив все свое внимание на всадника, который должен был умереть, я увидела, как он закатывает глаза.

– Смотрю, от тебя помощи не дождешься, – сказал он, глядя на предводителя. – И как я должен с ней драться? Калдрис живо снимет с меня шкуру, если я причиню ей боль.

– Не причинишь, – ответил предводитель, подняв руку, чтобы осмотреть свои ногти, как будто ему было все равно. – Но, думаю, будет забавно понаблюдать, как она поиграет с

тобой.

– Я не собираюсь с ним играть, – возразила я, снова бросаясь вперед, чтобы ударить его кинжалом.

Он едва избежал удара, который должен был попасть ему в живот, извернувшись с таким мастерством, на оттачивание которого, наверное, ушли столетия.

– Я его просто убью.

– Ты ударила меня уже три раза, маленькая чертова злодейка! Я бы сказал, что мы квиты, – запротестовал он, уворачиваясь, когда я снова замахнулась.

Клинок согрел мне ладонь, и скрытая в нем магия пульсировала у меня в руке. Он жаждал платы. Жаждал крови.

– Черт возьми, Арамис, хватить ныть. Просто позволь уже девушке нанести тебе смертельный удар. *Дайнслейф* потребует жизнь в качестве оплаты, и ему все равно, чья это будет жизнь. Пусть будет твоя, – сказал предводитель Дикой Охоты, скрестив руки на груди.

Он медленно оперся спиной о своего костяного коня, скрестив ноги, когда тот выгнул шею, чтобы нежно ткнуться ему в плечо.

– Но с кончиной всегда столько хлопот и неудобств, – ответил Арамис.

Но даже эти слова меня не остановили. Я не задумалась, что они могут значить, а просто воспользовалась возможностью, которую он мне дал, и вонзила лезвие ему в грудь. На мгновение он запнулся, уставившись на темный клинок так

же, как Бранн, когда всадник убил его. Потом медленно опустился на колени, когда я вытащила нож из раны, глядя, как черная кровь льется наружу и заливает землю у его ног. Она лилась плавным потоком, а не толчками, как я ожидала. Он взглянул на меня в последний раз и рухнул в грязь лицом, под его телом растеклось чернильно-черное пятно.

Предводитель Дикой Охоты встал рядом со мной, вынул кинжал из моей руки и вложил его в ножны на поясе.

– Теперь подождем, когда он снова встанет.

– Встанет? Я же его убила, – сказала я, растерянно глядя на Калдриса.

Возможно, он умел воскрешать мертвых, но, судя по тому, что я видела, эти всадники больше не были самими собой. Они были просто телами тех, кто жил когда-то.

Предводитель вернулся к своей лошади, стащил со спины сумку и снова повернулся ко мне.

– Нельзя убить то, что уже мертво.

Один из членов Дикой Охоты перевернул Арамиса на спину. Но ничего больше они делать не стали, оставив своего товарища лежать в грязи. У меня в голове всплыли слова Калдриса, что для всех мертвых он старается провести надлежащий похоронный обряд, подтверждая все, что сказал предводитель Охоты.

Он не был мертв, и кажется, я никогда не смогу выплатить свой кровный долг по-настоящему.

– Холт, это моя половина, Эстрелла, – сказал Калдрис, отталкиваясь от лошади и направляясь ко мне.

Он заправил прядь волос мне за ухо, и радостное выражение у него на лице заставило меня в отчаянии сжать челюсти.

– Эстрелла, Холт – самое близкое мне существо. Он у меня вместо друга.

Не друг, а самое близкое существо. Если эта фраза не убедила меня в том, каким человеком была моя проклятая половина, то не знаю, что еще мне надо было услышать или увидеть.

– Тогда почему он дрался с тобой на утесе? – спросила я, скрестив на груди руки.

Калдрис усмехнулся, повернувшись к своему *другу*.

– Сначала он просто не узнал меня. Даже Дикая Охота не всегда может разглядеть, кто есть кто, сквозь чары бога. А

когда до него дошло, нам пришлось притворяться ради тебя. Пока ты не сбросила свою упрямую задницу с гребаной скалы.

– Какой позор... ну почему я не умерла? – рявкнула я и отстранилась от него настолько, насколько осмелилась, чтобы не упасть.

Мне очень хотелось отойти от него подальше, чтобы он не заметил, насколько сильно меня волнует его близость.

– Только ты жаждешь смерти вместо того, чтобы позволить любить себя, звезда моя, – сказал Калдрис, и его губы изогнулись в почти неуловимой насмешке, которая все же не достигла глаз, чтобы не подшучивать над тем, что не должно было быть смешным вообще.

Холт усмехнулся, бросив на Калдриса взгляд, который безмолвно сообщил ему о чем-то. Я не сомневалась, что эти двое хорошо знают друг друга, но взгляд Холта тоже не нуждался в переводе.

Удачи вам с этим, ребята.

– Это все? – спросил Холт, кивая через плечо туда, где в кругу мертвых Калдриса ждали меченые.

– Пока да. В туннелях, о которых я тебе говорил, есть и другие, – сказал Калдрис.

От его признания у меня перехватило дыхание, и я на мгновение впала в ступор. Глядя на него широко раскрытыми глазами, я недоумевала, когда он успевал общаться с Дикой Охотой, если почти не отходил от меня.

Потом всплыло воспоминание, как я потеряла его, когда мы ночевали в лесу, как поразило меня свирепое выражение его лица, когда я наткнулась на него среди деревьев.

– Ты не мог, – прошептала я дрожащим от ужаса голосом.

Холт уступил место Калдрису и отошел от нас, пока другие всадники слезали со своих лошадей.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты этого не делал.

– Они принадлежат своим половинам, звезда моя. Они будут в бóльшей безопасности, когда соединятся с фейри, которые сделают все, чтобы защитить их, – сказал он, вздернув подбородок и глядя на меня сверху вниз.

– Они доверяли тебе, – выдавила я, недоверчиво качая головой, слова застревали у меня в горле. – Они предоставили нам убежище, когда мы в нем нуждались.

Его губы скривились в жестокой злобной усмешке.

– Нет. Это тебе они доверяли. И убежище они дали тебе. А я для них был просто еще одним телом, которое можно использовать в качестве бойца. И если бы ты позволила, Мелиан сама бы проткнула меня мечом. Я всегда буду признателен им за то, что они предоставили нам место, где ты смогла спокойно отдохнуть некоторое время. Но я не обязан сохранять по отношению к ним лояльность, которую они вряд ли проявили бы ко мне.

– Надо было позволить ей убить тебя, как только она меня предупредила, – прорычала я, выворачиваясь из его рук.

Я повернулась спиной, не в силах смотреть ему в глаза. Я

не могла его простить за то, что он предал Соппротивление, вместо того чтобы просто оставить их в покое.

– Там живут целые семьи. Дети, которым нужны родители. Что, если один из меченых – мать? Или отец? Что с ними будет? – спросила я, чувствуя, что он подошел ко мне сзади.

Его близость успокаивала даже в тех случаях, когда источником моих переживаний был именно он.

Получалось, что я утешаюсь просто от того факта, что он – тот самый монстр, которого нужно было убить, – находится рядом со мной.

– Если получится, мы не будем разлучать семьи. Меченые должны прибыть в Альвхейм, но вместе с ними будет разрешено приехать их детям и супругам. После падения Завесы мы переправили через границу довольно много людей с метками фейри, – крикнул Холт, снимая пару наручников со своей лошади. – Но пока мы еще не сталкивались с такой ситуацией, потому что все те, кого мы уже поймали, были в бегах и вынуждены оставить и своих супругов, и детей, если они у них были. Многие женщины обнаружили, что их собственные мужья хотели их убить, а многие меченые мужчины – что их жены забрали детей и сбежали.

– С Соппротивлением так не получится. Многие из них прожили в туннелях всю свою жизнь. Бежать им некуда, и супруги от них не откажутся, – объяснила я, стараясь не думать о брошенных детях, о распавшихся семьях.

Что бы Холт ни говорил о том, как они поведут себя в

таких случаях, у меня были десятки причин не доверять ему.

– Мы разберемся с этим, когда доберемся туда, *мин астерен*, – сказал Калдрис.

Он мягко ухватил меня за предплечье и повернул лицом к себе. Я уставилась в толстую кожу доспехов, закрывающих его грудь, разглядывая замысловатый изгиб, где металл брони защищал его сердце, прикладывая все усилия, чтобы не встречаться с ним взглядом. Он с нежностью взял меня за подбородок, приподнимая его с плавной, но действенной силой, чтобы увидеть мои глаза.

– Ты не должна за них переживать. И, поверь, если что-то случится с тобой, они вообще не будут переживать.

– Не могу винить их за это. Меня бы тоже не волновало, что со мной произойдет, – сказала я, выворачивая подбородок из его хватки.

Я посмотрела на сцену, которая разворачивалась у него за спиной, и заметила, как обмякло его тело, когда у меня от потрясения открылся рот. Каждый член Дикой Охоты, двигаясь к меченым, нес в руках кандалы. Армия мертвецов Калдриса отступила, давая всадникам возможность проскользнуть в защитный круг.

Люди дрались, расталкивая всадников Охоты в попытке вырваться на свободу. Какая-то женщина ударила Холта в грудь обеими руками, пытаясь оттолкнуть, но он устоял. Он старался действовать мягко, схватил ее за запястье и притянул к себе, надевая и поправляя наручники у нее на руках.

Она сильно согнулась под их весом. Я не ожидала, что простые цепи могут быть настолько тяжелыми. Колени у нее погнулись, и она с трудом устояла на ногах.

– Что вы делаете? – спросила я, в ужасе глядя на Калдриса.

Они сковывали их не просто цепями. Они сковывали их *железными оковами*.

Калдрис наклонил голову вперед, и на лице у него было написано отвращение к происходящему – к тому, что он позволил делать.

– Они не должны причинить вред себе, – сказал он.

Я уставилась на метки фейри, на *Виникулум*, который должен был защищать нас, но ни разу не выступил против него или Дикой Охоты. Метка не защищала нас от тех существ, которые сами же ее нанесли.

– Они же не могут использовать свою магию против вас. Они не могут с вами бороться. Какой вред вы пытаетесь предотвратить? – спросила я, толкая его в грудь, пока он не сделал шаг в сторону.

Я двинулась рядом с ним и теперь беспрепятственно видела все, что происходило вокруг меня. Близко к меченым я подойти не осмелилась. Воспоминания о грязи и ноже, который они швырнули в меня, были слишком свежи в моей памяти. Я не хотела их ненавидеть, но я была бы дурой, если бы доверяла им.

– Против нас они не смогут использовать *Виникулум*, но могут использовать его против друг друга, если посчитают,

что кто-то из них представляет угрозу, – ответил он.

Слова повисли между нами, и невысказанный смысл прояснился, когда он вздохнул.

– Ты имеешь в виду, что они могут использовать его против меня? – спросила я, расправляя плечи.

– Да, – согласился он.

Не было даже беглого кивка, сопровождающего его заявление, ничего, что указывало бы на то, что он только что снова перевернул мой мир с ног на голову. Он переворачивал его снова и снова, пока все не рассыпалось на земле у моих ног.

– Это значит, что у нас есть некоторый контроль над *Виникулумом*. Это значит, что мы можем научиться использовать его как оружие, – сказала я.

– Ты можешь, – ответил он, кивая головой. – *Виникулум* – это инстинктивная сила, которая существует для собственной защиты, пытаешься ты ею пользоваться или нет. Но это не значит, что ее нельзя практиковать и изучать, как любой другой вид магии. Ее можно призвать на помощь, когда хочется или когда необходимо. Все, что нужно сделать, – это просто попробовать.

Его заявление напоминало откровение о том, что я могу воскрешать мертвых – эхо его силы, существующей в моем теле.

– Я не хочу быть такой, как ты, – сказала я, думая о тьме, которая скрывалась внутри меня.

Я не хотела прикасаться к тьме, не хотела выпускать ее наружу, не хотела чувствовать, как бурлит внутри ярость, вырываясь на поверхность.

– О, мин астерен, – сказал он, сделав паузу, склонив голову набок и изучая меня. Его взгляд был наполнен сочувствием, удивительно похожим на жалость, и впервые за все то время, что он смотрел на меня, я почувствовала себя навивным ребенком. – Ты уже такая.

В его голосе скрывалась едва заметная насмешка – нотка, которую кто-то, кто не знал его так хорошо, как я, возможно, даже бы не заметил.

Но я заметила. Я видела его таким, каким он был, – напоминанием обо всем, чем я быть не хотела.

– Нет, – возразила я, стиснув зубы и глядя на него в ответ, желая, чтобы он увидел все, что я в нем ненавидела. – Я никогда не смогу делать то, что делаешь ты.

Дикая Охота продолжала заковывать меченых в кандалы. Они кричали, и их крики были полны страданий и боли, бьющих мне прямо в сердце, когда я смотрела на свою половину, обрешую их на такую судьбу. Я подумала, что их вообще можно было бы не заковывать, если бы не я и не то, как они повели себя со мной, пытаясь причинить боль.

Он был готов подвергнуть страданиям десятки мужчин и женщин, погрузив их в пучину боли и истощения, и все ради того, чтобы убереечь меня от вреда. При любых других обстоятельствах это могло бы меня порадовать, но сейчас это

просто казалось неправильным.

– Думаешь, я не чувствую жажды мести, которая клокочет в тебе? Я знаю, как сильно ты желаешь, чтобы лорд Байрон истек кровью за то, что он сделал с тобой, – сказал он, поймав мой взгляд.

– Это не значит, что я должна принять эту часть себя. Никто не будет контролировать мои действия, кроме меня. Если я опущусь до его уровня, буду ничем не лучше, чем он, – ответила я, грустно качая головой.

В мире было много чего, чем я быть не хотела, но стать похожим на него было худшим из того, что я могла себе представить.

– Ты никогда не причиняла вреда невиновным. Ты никогда не применяла насилие по отношению к девочке, которую ты должна была бы защищать. Ты никогда не станешь лордом Байроном из Мистфела, Эстрелла. Но чем ты можешь стать, так это карающей яростью на поле битвы. – Он наклонился ко мне и закончил, рыча: – И я не могу дождаться, когда увижу, как ты спалишь все дотла.

Его губы изогнулись в легком намеке на ухмылку, как будто он только что нарисовал эту сцену в своем воображении.

– Единственное, что я собираюсь сжечь, – это ты, – прошипела я.

В этот миг ко мне подошел один из волков и заскулил. Недолго думая, я положила руку ему на голову, не в силах удержаться, чтобы не взглянуть на этого красноухого зверя.

Калдрис посмотрел, как нежно я коснулась животного, и уголки его губ удовлетворенно приподнялись. Этот несносный осел вел себя так, словно я погладила его, а не волка. Но все его довольство быстро сошло с лица, когда к нему подошел Холт и протянул пару наручников.

– Твоя очередь, бестия, – сказал он мне с сочувствием в голосе.

– Только через мой гребаный труп, – ответила я.

В моей памяти еще было свежо воспоминание о железе, обжигающем мне кожу. Реакция остальных меченых на железные оковы не была такой ужасной, как у меня. Им было тяжело, их тела ослабли, но железо не причинило им прямого вреда.

– В этом нет необходимости. Она не причинит вреда другим, – сказал Калдрис и оттолкнул руку Холта с кандалами от меня.

Я почувствовала тяжесть взглядов со стороны меченых. Они испытующе наблюдали за происходящим, гадая, постигнет ли меня та же судьба, что и их.

Холт удивленно повернулся к нему и понизил голос:

– Если ты продемонстрируешь привилегированное отношение к ней, то сделаешь только хуже – они начнут ее ненавидеть, – тихо произнес он.

– Как же мне повезло, что они уже меня ненавидят, – возразила я, скрестив на груди руки и глядя на предводителя Дикой Охоты.

– Тогда не давай им еще один повод для усиления этой ненависти. Ты – одна из них. Различие только в том, что тебе повезло, что твоя половина здесь, с тобой. Он не застрял в Альвхейме в ожидании, пока тебя доставят к Маб. Лишь немногим избранным фейри было позволено отправиться в Нотрек в поисках своей пары – тем, кто наиболее предан ей. У тебя уже и так есть привилегии. Я вынужден настаивать, Калд.

Несмотря на очевидную дружбу этих двоих, Холт все еще смотрел на Калдриса и ждал его разрешения заковать меня. А я в это время прокручивала в голове его заявление, задавая вопросом, скольким фейри было приказано оставаться в Альвхейме, полагаясь на Дикую Охоту, которая должна была отыскать их половины.

Стряхнув с себя любопытство, я повернулась и посмотрела на Калдриса, который медленно принимал кандалы у Холта.

– Мы – люди, которые не сделали абсолютно ничего плохого. Мы – люди, которые, как вы говорите, важны для вас. Если вы так обращаетесь с равными себе людьми, которых вы цените, страшно подумать, что вы делаете с врагами. Вы не должны обращаться с нами как с пленниками.

– Ты не знаешь, что значит быть пленником, – вдруг прорычал бог Мертвых.

Внезапная горячность в его голосе заставила меня сделать шаг назад. Лицо у него исказилось от этих слов, выражая аб-

солютное презрение.

– Считаешь, что я тебя похитил? Что я все равно что тюремщик?

Я сделала еще шаг назад, когда он подошел ближе, так что я почувствовала его дыхание у себя на щеке, когда он изогнул бровь в жестокой насмешке.

– Остановись, – сказала я.

– Я всегда буду хорошо к тебе относиться, мин астерен. Даже когда ты будешь вести себя слишком глупо, не замечая, что правда прямо у тебя под носом. Ты уже была моей задолго до того, как родилась твоя душа. И эта связь не тюрьма и не плен. Это убежище, твоя тихая гавань, где ты можешь укрыться от уродства этого мира, с человеком, которому судьбой назначено любить тебя. Принадлежать тебе.

Он коснулся ладонью моей щеки, его прикосновение было нежным, несмотря на язвительный упрек на лице.

Я потянулась вперед, схватилась за кинжал у него на боку и коснулась острием лезвия его горла. Молча предупреждая его, требуя, чтобы он держался на расстоянии и не испытывал судьбу, когда я чувствую, что не готова к его ухаживаниям. То, что я сделала раньше, было ошибкой – все сомнения, которые были у меня на этот счет, исчезли в тот момент, когда он заковал в цепи других меченых.

– Твоя тихая гавань похожа на темницу, – сказала я, взмахнув рукой с кинжалом, когда он наклонился ближе.

Его глаза заблестели, и на напряженном лице отразилось

что-то вроде веселья.

– Звезда моя, хватит уже тыкать мне в горло острыми предметами. Однажды ты можешь поскользнуться. Только представь, какую вину ты почувствуешь в этом случае, – сказал он.

Внезапно он поднял руку, схватил меня за запястье и убрал мою руку от горла быстрее, чем я успела отследить его движения.

Он забрал у меня кинжал, сунул его обратно в ножны и опустил мои руки, зажав их между нашими телами. Хватка у него была крепкой, но было совсем не больно.

– Я буду сражаться в этой войне вместе с тобой до самой смерти, – заявил он, прижавшись лбом к моему.

Он застегнул сначала один наручник вокруг моего запястья, наблюдая, как подгибаются у меня ноги под тяжестью энергии, покидающей мое тело. Железо не опалило меня, как в прошлый раз, словно какая-то преграда защитила меня от ожогов, пока он морщился. Когда он застегивал второй наручник, его глаза были полны раскаяния, потому что он все же обращался со мной как с пленницей, хотя, по его собственному утверждению, я ею не была. От оков волнами шло тепло, словно железо знало, что между ним и моей кожей лишь тонкая преграда, и если бы оно могло просто прожечь ее, оно бы прожгло и меня насквозь.

– Прости, мин астерен. Я не хотел, чтобы было так.

Кожа под кандалами чесалась и покраснела от тепла, ис-

ходящего от железа. Калдрис взглянул на мои запястья, на покраснение под наручниками, которое, казалось, росло и расплзалось, как сыпь. Холт проследил за его взглядом, нахмутив брови, когда обнаружил, что беспокоит Калдриса.

– Такого быть не должно, – сказал Калдрис, повернувшись к другим меченым, у которых не было ни сыпи, ни покраснений.

– Должно быть, это как-то связано с тем, что твоя магия сильнее, поскольку ты внук Первородного. Ни у кого из других меченых никогда не было такого раздражения, – сказал Холт, стиснув зубы и глядя на кандалы.

– Дай мне ключи, – попросил Калдрис, протягивая руку.

– Нет, – запротестовала я, пригвоздив мою так называемую половину взглядом. – Если у них нет проблем с наручниками, то и я в состоянии потерпеть. Я не собираюсь радоваться свободе, пока они страдают в оковах. Поэтому, если хочешь освободить меня, освободи всех.

– К сожалению для тебя, бестия, твоя пара не имеет никаких прав и полномочий по отношению к остальным. Меченых нужно доставить их половинам, и за это несет ответственность Дикая Охота, а не бог Мертвых, – сказал Холт.

Он бросил ключ в руки Калдриса, и я дернулась, когда он начал открывать наручники.

– Если ты будешь относиться ко мне иначе, я никогда тебе этого не прощу, – предупредила я, бросая взгляды на людей, страдающих от ослабляющего действия оков. Члены Дикой

Охоты подводили их к телегам и усаживали на них.

Всадник Дикой Охоты, которого я убила, пошевелился на земле и сильно закашлялся, затем бросил на меня быстрый взгляд и встал, как будто он не лежал трупом всего несколько мгновений назад. К нам подошел еще один, осторожно ведя за собой живую лошадь. Ключ в замке наручников наконец повернулся, и они распались на две половинки, пропуская свежий воздух к моей горевшей коже.

– Добавь это в свой список, – проворчал Калдрис, бросая оковы и ключ обратно Холту.

Он повернулся, чтобы поприветствовать скакуна, но не всадника, прикоснувшись лицом к морде коня цвета оникса. Взяв в руки поводья, он вставил ногу в стремя и сел в седло.

Я еще раз посмотрела на него, а потом повернулась и двинулась туда, где Дикая Охота усаживала меченых в телеги, чтобы найти место, где могла бы втиснуться и я. Но Холт поймал меня за талию и приподнял так, что я оказалась прямо перед Калдрисом, который протянул руку, перехватил меня и, слегка сдвинувшись назад, усадил меня в седло перед собой.

Приобняв, чтобы удержать меня на месте, он перехватил поводья, наклонился ко мне, и мою щеку и шею согрело тепло его дыхания, когда он произнес:

– Ты поедешь со мной, мин астерен. Будешь рядом. Всегда.

8

В небе ярко сияло солнце, бросая вызов зиме, которая пыталась овладеть нами, пока мы огибали водопад и уверенно взбирались вверх по насыпи. Огибая утес по дороге, где мы с Кэлумом и Мелиан шли всего несколько дней назад, я не могла не оглянуться на руины города внизу.

В голове не укладывалось, что мы посмели прийти сюда, где вокруг нас оживала легенда, нарисованная тенями, созданная из кошмаров того, что не должно было быть возможным. А покидала я это легендарное место с тем самым богом, который вызвал такие разрушения. И этот бог обнимал меня своими руками, что казалось еще более непостижимым, как в какой-то замысловатой трагедии.

Тропа была узкой даже для лошадей, не говоря уже о телегах с мечеными, которые они тянули за собой. Трое белых волков вились вокруг коня, на котором ехали мы с Калдрисом. Наши огромные дозорные слились бы с лежавшим на земле снегом, если бы не их уши с красными кончиками, контрастирующие с белым фоном.

Бог Мертвых коснулся подбородком моей макушки, когда его конь двинулся вперед. Он слегка наваливался на меня своим телом, пока мы медленно поднимались вверх по насыпи. Я старалась не слишком сильно цепляться за гриву лошади, не желая навредить единственному существу, которое

выглядело знакомым. Скелетные останки тех, кто, наверное, стал жертвами Калдриса много столетий назад, тоже карабкались по грязи, впиваясь в почву костяными пальцами.

Рядом со мной был не только бог Мертвых, но и вся его армия, созданная из трупов и призраков, зверей и гончих, легенды о которых вряд ли смогли бы нарисовать их точный портрет.

Холт ехал рядом с нами, упершись взглядом белых глаз в дорогу и обшаривая склоны холма до самой вершины.

– Ему не будет больно, – пробормотал Калдрис, заставив меня подпрыгнуть в его объятиях.

– Кому? – спросила я, слегка расслабив руки, когда поняла, что он, должно быть, имел в виду своего коня.

– Азре, – ответил Калдрис, потянувшись вперед, чтобы похлопать лошадь по шее сбоку. – Не переживай, ему не будет больно, если ты схватишь его за гриву.

– У тебя, наверное, слишком много волос, вот ты особо и не переживаешь об их потере. Представь, если бы тебя стали так дергать за волосы. Тебя никто не дергал? – спросила я, обернувшись к нему, чтобы посмотреть на его гриву до плеч, обрамлявшую лицо.

Было немного странно, что такая роскошная грива принадлежала мужчине и только добавляла грубости его красоте.

– Никто не осмелился, – ответил он со смешком, и по спине у меня скользнул тихий рокот, погружаясь внутрь. – Хотя

можешь попробовать, – низким голосом проговорил он, наклонившись к моему уху.

Когда мы наконец достигли вершины холма, Калдрис развернул Азру в сторону туннелей.

– Сначала нам нужно двигаться в обход, – сказал Холт, блуждая взглядом в противоположном направлении.

– Нет. Нам нужно пересечь границу как можно быстрее, – возразил Калдрис, сжимая поводья.

– Как бы мне ни хотелось присоединиться к вам в этом устремлении, мой часовой доложил о группе людей с метками фейри, которая скрывается в деревне у Черных Вод. Он хотел попытаться вывести их в одиночку, но поблизости находился целый полк Стражей Тумана, – сказал Холт, направляя своего костяного скакуна в сторону от туннелей.

К нам подъехала и остановилась рядом еще одна лошадь. Я повернулась посмотреть, кто это, и увидела всадника, который проткнул моего брата. Калдрис вздохнул.

– Что тебе надо, Арамис?

– Маленькая злодейка доказала, что кандалы нужны ей больше, чем другим, – прорычал он, оглядываясь через плечо, пока он и Калдрис подгоняли своих лошадей, чтобы быстро последовать за Холтом. – Ты, конечно, склонен оказывать ей предпочтение и относиться по-особому, Холт позволяет тебе это из-за того, кто ты для него, но это не значит, что она не заставляет нервничать остальных. Даже сейчас, сидя в телегах и окруженные Дикой Охотой, меченые гово-

рят о том, как ненавидят ее и что она продала своих людей, чтобы чувствовать себя комфортно. Ее необходимо заковать в кандалы и отправить в телегу, чтобы она ехала вместе с остальными.

Калдрис зарычал, и я, повернувшись, чтобы посмотреть на его лицо, увидела звериный оскал. Он так крепко схватил меня за бока, что мне стало больно.

– Давай, попробуй.

– Проклятые спаренные половины. Клянусь богами, вы всем снитесь в ночных кошмарах. Я же не предлагаю ей прокатиться с одним из нас...

– На этом месте тебе стоит заткнуться! – отозвался Холт, даже не взглянув на своего подчиненного.

– Лучше послушайся его, – сказал Калдрис более низким голосом, чем обычно.

В нем появилась какая-то *другая* интонация, как будто ему в голос влилась сила самой смерти. Глаза вспыхнули голубым светом, и это немое предупреждение усилило его слова.

Но исчезла она так же быстро, как и появилась, как будто в нем не было силы, необходимой, чтобы поддерживать будущую внутри ярость.

– Иногда мне кажется, что нам всем повезло, что Судьбы так долго удерживали тебя от нее, – сказал Арамис, качая головой. – Все, что могло бы соперничать с силой Маб, которую дает ей эта проклятая корона, не должно быть возмож-

НЫМ.

– Я смотрю, ты решительно настроен еще раз получить ножом в сердце. Уверен, Эстрелла будет рада тебе угодить. Так что мне даже не нужно будет беспокоиться, – сказал Калдрис, когда я повернулась вперед.

Я постаралась не захихикать, затолкнув глубоко внутрь ту часть себя, которая находила юмор в его сухом остроумии.

– Или ты просто хотел позлить меня?

– Ее нужно заковать в кандалы, Калдрис, – сказал Арамис.

Он полез в сумку, висевшую на крупе лошади, и вытащил пару кандалов. Все внутри меня сжалось при одном только их виде, напоминая о чувстве, будто из меня высасывают душу, заковывая руки в кандалы.

– Моя магия слишком сильна. Они, черт возьми, чуть не убили ее, – сказал Калдрис, качая головой.

– Это не железо, а обычная бронза, – сказал Арамис, протягивая кандалы.

Калдрис вздохнул и протянул руку, чтобы взять их. Спичной я почувствовала, как он кивнул, и Арамис пустил лошадь рысью, следуя за Холтом, который ехал впереди.

– А теперь скажи мне еще раз, что я не твоя пленница, – произнесла я, поморщившись, когда холодный металл коснулся моих запястий.

Арамис сказал правду, и от бронзы не исходило ни жжения, ни жара. Калдрис наклонился вперед, накинул поводья на шею Азры и уткнулся носом мне в волосы. Его губы неж-

но скользили у меня по шее, вызывая мурашки на коже.

– Я хочу, чтобы ты была в цепях только тогда, когда я подхожу к своей кровати, а там лежишь ты и извиваешься от желания, – пробормотал он, прижимая наручник к моему левому запястью.

Он защелкнул половинки, и рука у меня слегка опустилась под весом металла.

Он провел кончиками пальцев по тыльной стороне моей руки, прижав ее к шее Азры прямо у моего бедра. Затем накрыл мне руку, переплетя свои пальцы с моими, захватывая и гриву лошади, и я почувствовала себя так, словно меня не просто приковали, а еще и окружили со всех сторон.

Он не обращал ни малейшего внимания ни на Дикую Охоту, ни на меченых, которые следовали за нами. И наша аудитория ничуть не мешала ему превращать мое заточение в нечто интимное.

– Можешь себе представить, сколько раз я заставлю тебя кончить со мной? – пробормотал он, скользя свободной рукой вниз по моей руке, чтобы коснуться пока еще не скованного запястья.

Его прикосновение возбудило меня, выплеснув мое желание наружу, заставив что-то, принадлежавшее теням, выйти на всеобщее обозрение. Он поднял мою свободную руку и, положив рядом с другой, надел второй наручник и защелкнул его. Повернув замки на каждом запястье, он убедился, что мои руки тяжелым весом лежат у меня на бедрах, и при-

тянул меня к себе, пока я не прижалась спиной к его груди.

Я не осознавала, как далеко наклонилась вперед, пытаюсь отстраниться от его такого знакомого тепла у себя на спине.

Кандалы звякнули, когда я уселась поудобнее, чтобы посмотреть на открывшиеся перед нами просторы. Вдалеке на юго-востоке маячили горы, но перед нами расстилалась обширная пустынная равнина, скрывавшаяся за деревьями, обрамляющими дорогу, что вела в некогда оживленный и процветающий город.

Копыта Азры зацокали обо что-то твердое, прикрытое тонким слоем снега, сверкающего под лучами солнца. Впереди двигались лошади Холта и Арамиса, вскрывая копытами нечто, похожее на остатки булыжника с неровными зазубренными краями, над которыми поработали столетия забвения.

Несмотря на любопытство, грозившее поглотить меня, я воздержалась от вопроса, каким было это место в расцвете. Мне очень хотелось получить ответы на вопросы о прошлом, проникнув в мозг моей древней половины, чтобы узнать все, что было до меня.

То, что он, должно быть, видел – пережил, – было за гранью моего воображения.

Азра внезапно остановился, застыв на месте, хотя остальные члены Дикой Охоты прошли мимо нас.

– В чем дело? – спросил Калдрис, наклоняясь вперед, чтобы похлопать лошадь по шее.

Спиной я почувствовала, как напряглось его тело и каждый мускул, когда он отреагировал на внезапную нервозность лошади.

Бежавший рядом Фенрир зарычал, и его рык прозвучал низким рокотом. Он ткнул меня носом в ногу, встретив мой взгляд своим красным взглядом, который, казалось, говорил тысячу слов.

– Что-то не так, – пробормотала я, глядя на Дикую Охоту, которая продолжала свой путь вместе с сидевшими в телегах мечеными.

Они не сводили с нас полных осуждения взглядов, пока я пыталась услышать еще какие-нибудь звуки, кроме стука колес по булыжнику и скрипа болтов при каждом ударе о камень. Калдрис делал то же самое, склонив голову набок и глядя вперед.

Холт внезапно развернул своего костяного коня и пригвоздил нас взглядом, передав всю информацию на расстоянии.

– Черт, – пробурчал Калдрис, слегка наклоняясь ко мне.

Перекинув ногу через круп Азры, он спешился, встал рядом с конем и потрепал Фенрира по макушке.

– Кун Аннун ¹, вперед, искать! – скомандовал он, и три белых волка исчезли в расположенном у дороги лесу.

Мы ждали в тишине, время, казалось, замедлилось, по ле-

¹ Кун Аннун (*Cwn Annwn*) – огромные призрачные собаки Аннуна, потустороннего мира в валлийской мифологии, связаны с Дикой Охотой.

су эхом разнесся вой волков, и Холт развернулся и снова пошел в том же направлении, что и раньше.

Первая стрела вылетела справа и вонзилась в бок коня Холта. Конь повернул голову, чтобы посмотреть на стрелу, торчащую из ребер, мотнул головой и в ярости топнул копытом. Командование взял на себя Арамис, пришпорив своего коня и двинувшись вперед, а Холт отступил, чтобы присоединиться к остальной части Дикой Охоты и окружить телеги.

Арамис закричал, лошадь под ним заржала, и я увидела, как из ветвей на верхушке одной из сосен появился человек.

– Берегись! – крикнула я, привлекая внимание притаившейся фигуры.

Клинок сверкал на солнце, отбрасывая блики, когда спрятавшийся стражник перерезал веревку, замаскированную среди веток.

С другой стороны тропы солнце тоже отражалось от сверкающего сталью кинжала.

– Уберите их оттуда! – приказал Калдрис одному из всадников Дикой Охоты, ехавшему перед нами.

Тот кивнул и направил своего скакуна вперед, чтобы нагнать тех, кто тянул телегу.

Он был как раз в центре рощицы, когда сверху полетели сосновые иголки, тканевый полог над головой раздвинулся, и на солнце заблестела красная пыль, посыпавшаяся на них сверху. Мне никогда не забыть, как они кричали, когда этот

железный порошок сжигал их плоть, как они прятались под плащами, чтобы защитить свои тела.

Я с ужасом наблюдала, как ткань опадала вниз постепенно, пока люди вверху перерезали веревки, как она наконец нависла над нами. Небо в зеленой ряби над головой, казалось, разверзлось, когда они свернули ткань, разрисованную так, чтобы имитировать деревья.

Калдрис целое мгновение ошеломленно смотрел на ткань, а потом перевел взгляд на меня, двинувшись ко мне как в тумане. Он сорвал меня с лошади и так резко толкнул вниз, что Азра вздрогнул и отбросил меня назад. Меня охватила ярость вместе со страхом, обостряя чувства, пока я готовилась к удару. Глядя в небо, падая назад со скованными перед собой руками, я смотрела, как сыплется сверху железный порошок.

В глазах у меня потемнело, когда я приземлилась на Калдриса, но его тело смягчило мое падение с лошади. Он бросился на землю, чтобы поймать меня, и сорвал с плеч плащ, накрыв им нас обоих. Я пыталась отдышаться, слушая его тихие стоны, полные боли, эхом отдававшиеся у меня в груди.

Лежа в темноте под плащом, прижавшись к телу Калдриса и к земле, я слушала, как звенит у меня в ушах, и ждала, когда железная пыль рассеется. Я чувствовала, как она окружает меня, вытягивает энергию из моего *Виникулума*, как исчезает у меня из крови тот странный гул, который обычно

появлялся в случае опасной угрозы. Сила, которая должна была защитить меня, пропала, ее у меня украли – будто высосали воздух из легких.

– Фенрир! – позвал Калдрис, наконец выпуская меня на свободу.

Он снял плащ с моих плеч, помогая сесть. Оглянувшись, я увидела, что все вокруг покрыто этой пылью, и посмотрела вниз, на руки Калдриса. Они тоже были обожжены. Плоть воспалилась, кожа покрылась красными пятнами и волдырями, где пыль прожгла ее.

– Кэлум, – прошептала я, потрясенно глядя на него.

Мне хотелось прикоснуться к ранам, прочувствовать его боль, понять, что он принес в жертву себя, заплатив собственной обожженной плотью. Я неизменно представляла его монстром, злодеем, который только и делает, что рвет меня на части раз за разом, но нельзя было отрицать, что он всегда был готов отдать часть себя ради моей защиты.

Оставив плащ, которым он пожертвовал ради меня, лежать на земле, он поднялся и подполз ко мне на коленях, внимательно осматривая мое тело и лицо в поисках ран.

– Ты ранена? – спросил он, доставая из кармана штанов ключ от моих кандалов. Он снял их, стараясь не касаться моей кожи своими изуродованными, обожженными руками.

– Ты же знаешь, что нет, – сказала я, проглотив комок в горле и волну чувств внутри.

Сейчас я не могла позволить себе никаких эмоций по от-

ношению к нему – ведь мы все еще враги.

Он кивнул, вздохнув с облегчением, и поднялся на ноги, собираясь присоединиться к битве, готовой разгореться совсем рядом.

– Охраняйте ее, Кун Аннун, – сказал он, когда подошли волки.

Наверное, так он называл всю их маленькую стаю. Меня распирало от любопытства, но сейчас было не время для вопросов.

Он взглянул на волков, которые окружили меня. Клыки и челюсти у них были красными, с них капала кровь. Прямо перед нами гончие Дикой Охоты тоже окружили телеги с мечеными. Мои стражи рычали и огрызались на воздух вокруг, а я сидела в образованном ими круге. Калдрис шагнул вперед с плавной животной грацией. Его армия мертвецов лежала на земле. Когда резкий запах железа наполнил мне легкие, их трупы снова окаменели.

Калдрис вытащил свои мечи из ножен, висевших на спине. Его шея блестела у основания, и там, где железо коснулось кожи, сочилась кровь. Он шагнул вперед, к опушке леса, исчез из виду, и в это время воздух взорвался криком.

С деревьев упало тело, к моменту приземления уже мертвое. Страж Тумана уставился в небо пустыми, невидящими глазами на изрезанном лице.

– Думаю, они его разозлили, – прошептала я, наклоняясь, чтобы погладить одного из волков.

Я покрутила запястьями, разминая их, заполучив свободу. Я понимала, что он снял с меня кандалы, чтобы я могла защитить себя, если битва сместится в нашу сторону, но лучше бы он дал мне клинок. Говнюк.

Волчица подняла на меня свои рубиновые глаза, которые, как ее рот и уши, были окрашены в цвет смерти. Она низко зарычала себе под нос, и этот рык пронзил меня насквозь, словно был продолжением связи, существовавшей между мной и Калдрисом.

Из леса неслись крики и звуки битвы. Когда он наконец появился снова, его одежда и доспехи были залиты кровью. Дикая Охота сражалась со Стражами, появившимися с другой стороны, но тела мертвецов все еще лежали на земле. Скелеты не шевелились, и я понимала, что на них тоже подействовало железо, окружившее нас, пронзившее его кожу, – железо, которое сделало контролирующую магию Калдриса бесполезной.

Даже связь между нами стала казаться далекой, будто я не могла просто протянуть руку и дернуть за нить Судьбы, которая связала нас вместе.

Взглянув на ряд деревьев напротив того места, где сражался Калдрис, я увидела, как Холт пронзает мечом одного человека за другим, убивая их со смертоносной грацией, которой, как я всегда представляла, обладают фейри. Он сражался так, как будто его тренировали вместе с Калдрисом: они двигались синхронно, хотя и находились на расстоянии

друг от друга.

Кто-то из Стражей Тумана ударил ножом одного из всадников, пробив созданный Дикой Охотой барьер. Потом пал еще один. Стражей Тумана оказалось слишком много для Дикой Охоты, ослабленной трюком с железом.

Фенрир оскалил зубы на Стража, подошедшего ко мне ближе всех, и из его груди вырвался такой свирепый рык, какого я никогда в жизни не слышала. Калдрис резко повернул к нам голову, наши взгляды на мгновение встретились. Но внимания он не утратил. Бросив меч и выхватив из ножен топор, он взмахнул им по дуге и вонзил в лицо Стража, посмеявшегося бросить ему вызов. Застыв на месте, мужчина лишился лица, которое было вдавлено внутрь под ударом топора Калдриса. Подняв ногу и надавив на грудь зарубленной жертве, Калдрис вырвал топор, кровь брызнула во все стороны, и тело упало на землю.

– Сделай мне одолжение, bestия, – крикнул Холт, привлекая мое внимание, пока ехал ко мне.

Он вытащил кинжал *Дайнслейф* из ножен и бросил его мне. Я поймала его за рукоять обеими руками, и по мне разлилось уже знакомое пульсирующее тепло, означающее, что проклятый клинок требует плату за то, что его достали.

– Перестань пялиться на своего парня и убей уже кого-нибудь.

– Моя половина не твой всадник! – заорал Калдрис, когда Холт проехал мимо него, зарубив на своем пути еще одного

Стража.

Холт лишь усмехнулся в ответ, его лицо озарила улыбка, когда он продолжил сражаться и убивать своих врагов. Нутром я почувствовала, что не следует нападать на тех, кто улыбается во время битвы, еще до того, как поняла, что они не могут умереть.

Фенрир толкнул мордой мою свободную руку, и его глаза заблестели от жажды крови. Я почувствовала, как она гудит во мне, словно продолжение далекой связи, которую я разделяла с Калдрисом. Клинок у меня в руке, казалось, снова нагрелся, распространяя жар своего проклятия сквозь меня и тлея в моей крови, как раскаленные угли в огне.

Меня стала окружать чернота, заливая мир неестественной тьмой, пока я крутила рукой с кинжалом. Одна из гончих Дикой Охоты всхлипнула, и Фенрир склонил голову набок, полностью сосредоточив свое внимание на том месте, где животное упало на землю. Над огромным полусгнившим псом стоял Страж Тумана, он хмурился, поднимая свой меч.

Я шагнула вперед, даже не сообразив, что делаю, а другая нога так и не приземлилась, когда Фенрир бросился вперед, скользнув головой у меня между ног, и я потеряла равновесие. Другой волк настойчиво подтолкнул меня, и я с удивлением уставилась на них обоих. Подавив нервозность, я выдержала взгляд Фенрира и оседлала его большое пушистое тело.

Едва я уселась ему на спину, как он рванулся вперед. Я

изо всех сил вцепилась в его мех, пока он мчался чуть ли не в самую гущу битвы. Люди вокруг меня кричали, когда другие волки разрывали плоть, брызгая кровью на меня, а мы пронеслись мимо.

Человек, который собирался нанести удар собаке, повернулся к огромному рычащему волку, несущемуся прямо на него, и поднял меч, хотя в глазах у него вспыхнул страх. Но Фенрир притормозил, перешел на шаг и немного присел, чтобы помочь мне спешиться.

Он прижался ко мне шеей, обеспечивая поддержку, когда я шагнула к мужчине, крепко сжав руками кинжал. Сам момент казался церемониальным, как будто я собиралась принести жертву, как будто у меня хотели оторвать части души, чтобы я сражалась вместе с теми самыми существами, которых должна была ненавидеть. Но снизу, с лесной подстилки, снова раздался всхлип, заставив меня шагнуть вперед к человеку, пока тот смотрел на волка, ожидающего у меня за спиной.

– Вот и умница, что сбежала от остальных, – сказал Страж, сдвигая меч на бок и шагая вперед.

Магия *Дайнслейфа* пульсировала у меня в руке, шептала в моем сознании, как она жаждет крови. Она заполнила пустоту внутри меня, проникая когтистыми пальцами все дальше, вытягивая и мой голод на поверхность, а я наклоняла голову набок, точно так же, как, я это видела, часто делал Калдрис. Краем глаза я наблюдала, как Фенрир повторяет мои

движения, будто перенимать их заставляет его та уникальная связь, которую мы разделяли через его хозяина.

Железо, покрывающее землю, подавляло магию фейри, и *Виникулум* у меня на коже молчал и бездействовал, но проклятый клинок продолжал подталкивать мою руку, требуя жизнь в качестве платы за свое использование. Страж Тумана поднял руку, чтобы нанести удар, его выпад был медленным и ленивым. Я отскочила в сторону, чтобы избежать удара, и полоснула мужчину кинжалом по запястью.

Он задохнулся, отдернув руку, из которой закапала на землю кровь. Зажав рану свободной рукой, он попытался остановить кровотечение, избежать которого было невозможно. Клинок у меня в руке гудел, кровь толчками вытекала из раны, все быстрее и быстрее, а мы смотрели.

Он ударил снова, и отчаяние заставило его атаковать и двигаться быстрее. Я повернулась слишком медленно, поморщившись, когда лезвие врезалось мне в руку, рассекая плоть бицепса, сжигая ее под давлением железа. Калдрис рыкнул, и одновременно с ним зарычал Фенрир, их рычание заполнило воздух вокруг. Я поспешила положить руку на голову Фенрира, чтобы успокоить его и не позволить забрать жизнь, которую должна была забрать я.

Я хотела получить причитающуюся мне кровь.

Она лилась из раны на запястье Стража, но жестокость внутри меня требовала большего, заставляя убивать, убивать, убивать. Поиграв *Дайнслейфом* в руке и ухватившись

за него поудобнее, я провела им по горлу мужчины. Плоть под лезвием разошлась, и кровь брызнула мне на лицо. Глядя на рану у него на шее, где ненадолго показались слои мышц, я увидела, как он уронил меч и обеими руками зажал рану.

Он упал на колени, и, когда человека настигла смерть, пульсирующее тепло кинжала рассеялось.

– Мне не нравятся люди, которые обижают животных. Даже если они на полпути к могиле, – сказала я, чувствуя, как горит внутри меня пустота.

Из раны на горле Стража страшными волнами хлестала кровь, жизнь покидала тело, взгляд остекленел, а я все стояла и смотрела на него сверху вниз.

Фенрир прижался носом к моей руке, заставив меня оторвать взгляд от лежащего передо мной тела и разорвав связь, которую я чувствовала между нами. Его призвала Пустота, притяжение его души оставалось лишь где-то на краю моего сознания.

Я взглянула в красные глаза волка. У него на морде было написано понимание, которое заставило меня тяжело сглотнуть и взглянуть на Калдриса. Бог Мертвых продолжал сражаться и пробивал себе путь сквозь членов Дикой Охоты, чтобы добраться до меня. Казалось, он не подозревал ни о том, как загробная жизнь притягивает к себе души, ни о том, как она искушала и призывала самую мою душу покинуть тело.

Я шагнула к раненой собаке, присела перед ней на корточ-

ки и медленно протянула руку. Я сглотнула, когда она оскалила зубы, и из груди у нее вырвалось рычание. Убрал руку, я ждала и смотрела, как она наконец подняла голову и вытянула шею. То, что осталось от плоти у нее на носу, сморщилось, пытаясь учуять меня. Осматривая рану на боку животного, я избегала касаться ядовитых теней, стекающих с клыков, касаясь только макушки.

Кожа уже начала стягиваться, покрывая изувеченное месиво из плоти и костей, которые обнажила рана.

– Ты же будешь в порядке, да? – спросила я, почесывая макушку животного, когда гончая слегка склонилась под моей рукой.

Дикая Охота была слишком занята, чтобы ответить на мой вопрос, но я могла бы поклясться, что видела, как гончая едва заметно кивнула, если бы это было возможно. В последнее время моя жизнь казалась наполненной невозможным, но в этот кивок я пока была не совсем готова верить.

Фенрир, виляя хвостом, пригнулся возле меня, чтобы мне было легче забраться ему на спину. Я встала, перекинула ногу и снова оседлала его, и он, медленно поднявшись, стал продвигаться сквозь кровавую бойню. Он больше не останавливался, чтобы позволить мне снова слезть и заплатить кинжалу долг чьей-то жизнью. Он просто использовал свои зубы, чтобы рвать плоть и ломать кости, в клочья разрывая оставшихся Стражей Тумана, пока мы пробирались к Калдрису.

Моя половина стояла и смотрела, как я приближаюсь к нему, сидя верхом на одном из его волков. В глазах у него блестела тьма, пока он осматривал мое тело, порадовавшись, что я почти цела и невредима, несмотря на то, что покрыта кровью.

– Хороший мальчик, – сказал он, когда Фенрир наконец сократил расстояние между нами, подошел к Калдрису и потерся носом о его грудь.

Когда его внимание вернулось ко мне, в ониксовой тьме его глаз таилось что-то опасное.

– Тебе следует слезть с волка сейчас же, мин астерен.

– И почему же? – спросила я, и звук произнесенных слов показался мне чужим.

Как будто у меня изменился голос, как будто та магия, которую я так часто слышала в голосе Калдриса, проникла и в меня. Она эхом летала между нами, и Калдрис склонил голову набок, будто тоже ее слышал.

– Мне нужно заняться твоей раной, – просто сказал он, но в его словах сквозило что-то более мрачное.

Желание потрескивало в воздухе между нами, когда мы смотрели друг на друга.

Но в этот момент Фенрир внезапно развернулся в противоположную от Калдриса сторону, привлекая наше внимание к опасности. В меня летела стрела. Я увидела ее слишком поздно и слишком медленно подняла кинжал в руке, чтобы отразить удар. Зажмурившись, чтобы не видеть, как стрела

с железным наконечником вонзается в мою плоть, я застыла в ожидании боли. Но боль так и не пришла.

По спине у меня разлилось тепло. Я слегка приоткрыла глаза и обнаружила, что к моему правому боку сзади прижался Калдрис, его пальцы сомкнулись на деревянном древке стрелы. Он поймал ее на расстоянии одного вдоха от моего сердца. Она почти достигла цели, едва не положив конец всему.

Он бросил стрелу на землю, и я взглянула на него, наблюдая, как два других белых волка приближаются к своей добыче. Они окружили последнего оставшегося Стража Тумана, и вся группа смотрела, как они играют с ним.

– Прекрати это, – сказала я, не желая смотреть, как волки превращают смерть в игру.

Из страха перед человеком, который думал, что поступает правильно. Насколько я знала, так и было. Я не была уверена, что фейри были так уж добры к нам, и пока они не сделали ничего, чтобы опровергнуть заявления, что мы для них как домашние животные.

Калдрис что-то возразил мне, и его слова прозвучали злобно, а голос был полон жестокости.

– Ему повезло, что ты осталась жива. – Он убрал волосы у меня с шеи. – В противном случае я бы оставил его в живых, чтобы играть с ним в течение многих лет. Пусть Кун Аннун развлекаются. Они гораздо милосерднее меня.

Я закрыла глаза, услышав звук рвущейся плоти, когда они

наконец оборвали жизнь последнего Стража Тумана. И этот хлюпающий звук значил для меня слишком много. Он при-тянул ту часть меня, которая им упивалась. Ту искаженную часть меня, которая тянулась к душам, томившимся в ожидании дальнейшего пути.

Фенрир опустился на землю, Калдрис помог мне слезть с него и весело посмотрел на волка.

– Почему же ты мне никогда не предлагал прокатиться?

Фенрир фыркнул, повернулся спиной к Калдрису и присоединился к двум другим волкам.

– Ты вся в крови, – сказал Калдрис, коснувшись моего подбородка.

Он сделал паузу, глядя на пятна на теле, на все еще заживающую плоть. Его кожа снова срасталась и медленно избавлялась от железа.

– Прости, но что-то я нигде не вижу ванны. А ты видишь? – спросила я, с усмешкой глядя на него.

Он был весь в крови – с ног до головы, но, простят меня боги, я тоже.

– Разве я сказал, что хочу, чтобы ты ее смыла? – спросил он, склонив голову набок, изучая меня. – Уверяю тебя, у меня было совсем другое намерение. Я хочу трахнуть тебя, пока ты вся в крови и пахнешь смертью наших врагов, которые думали, что смогут забрать тебя у меня.

Я сглотнула. В его темном взгляде сквозило такое напряжение, что у меня внезапно пересохло в горле.

– Это не...

– ...нормально? Ты – моя половина. Я мог бы провести вечность, похороненный внутри тебя, и все равно хотеть большего, детка. *Никогда* не наступит день, когда мне перестанет нравиться смотреть, как ты ставишь мужчин на колени и перерезаешь им горло, когда они недооценивают тебя. Тебе стоит помнить об этом, – сказал он, поднимая руки так, чтобы я увидела серебро, сияющее у него под кожей. – Единственная причина, по которой я не взял тебя сейчас, в том, что я не могу прикоснуться к тебе, не причинив боли.

Я сглотнула, глядя на раны, которые он получил из-за меня, и испытывая дискомфорт от чувства благодарности, которое это знание оставило во мне.

– Тебе не следовало...

– Ты – моя половина. Я *всегда* буду защищать тебя, минастерен. И неважно, какой ценой, – пробормотал он, его глубокие глаза сияли, когда он смотрел на меня сверху вниз.

Впившись зубами в нижнюю губу, я не знала, что сказать перед лицом тяжести его признания. Все было бы намного проще, если бы он был просто монстром.

9

Кожа Кэлума медленно приходила в норму, а тело освобождалось от железа в течение следующих нескольких часов, пока мы продолжали свой путь. На поле битвы мы оставили несколько трупов со значительными повреждениями, на которые попало слишком много железа, так что даже сила Кэлума не смогла поднять этих мертвецов.

Могилу вырыли только одну – для единственного меченого мужчины, чье сердце в хаосе битвы пронзила стрела с железным наконечником. Остальных удалось защитить после того, как на нас дождем обрушились стрелы во время первой атаки.

Пока мы ехали по заснеженным равнинам, Кэлум старался не касаться моей кожи. Вокруг было пустынно – никаких укрытий или леса, ничего, где мы могли бы скрыться в пути. После битвы, к которой мы не были готовы, Дикая Охота окружила людей, рядом держались и гончие. Я знала, что в крайнем случае они будут защищать жизни тех, у кого отняли возможность защищаться самостоятельно, и это немного утешало меня.

Хотя железный порошок все равно лишил бы их возможности защититься и даже мог убить.

– Ты не знал о железной пыли, – сказала я, глядя на покрытую волдырями кожу его рук, держащих поводья.

Его израненные руки и мои вновь скованные запястья лежали рядом, и в этом было что-то неправильное. Наглядный пример двух крайних случаев того, каким образом моя половина относится ко мне. Где-то глубоко у меня внутри возникал вопрос, а вернется ли испарившаяся метка фейри на кожу, чтобы украсить новую плоть символом нашей связи. На тыльной стороне его ладони теперь не было круга, а с пальцев исчезли темные завитки, и их отсутствие почему-то заставляло что-то внутри меня страстно желать прикоснуться к нему. Мне было просто необходимо ласкать и гладить его, пока чернила не вернулись на кожу, которую я так любила исследовать неуверенными пальцами при свете свечи в туннелях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.